

НАШИ ТАМ



АРТЁМ МИРОНЕНКО

ЗЕМЛЯ -  
ЛИШЬ ФЕРМА

**Артем Анатольевич Мироненко**  
**Земля – лишь ферма**  
Серия «Наши там (Центрполиграф)»

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=48608187](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48608187)*  
*Земля – лишь ферма: роман. / Мироненко А.А.: Центрполиграф;*  
*Москва; 2020*  
*ISBN 978-5-227-08948-9*

### **Аннотация**

Чуть ли не каждую ночь Никите Богданцеву снится один и тот же кошмар. Настолько пугающий, что он просыпается с криком и в холодном поту. За помощью Никита обращается к психотерапевту, соглашается на сеанс гипноза, но переживает еще большее потрясение. Вскрывается причина и истинная суть навязчивого кошмара. Реальность оказывается куда страшнее сна. И затрагивает она не только Никиту, но и все человечество, всю Землю...

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	47
Глава 5	66
Глава 6	83
Глава 7	111
Конец ознакомительного фрагмента.	119



# Артем Мироненко

## Земля – лишь ферма

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

*Оформление художника Янны Галевой*

# Глава 1

## Сон

Припарковавшись у входа частной элитной поликлиники, я уставился через лобовое стекло на идущих по тротуару прохожих и никак не решался выйти из машины.

На эту поездку меня уговорила Дашка. Самый близкий и родной мне человек. И, как выяснилось, очень упорный человек. Месяца три меня уговаривала, не меньше. Изодня в день напоминала, звонила, советовала, пока таки не добилась своего. Но одного лишь согласия ей оказалось недостаточно. Дашка опасалась, что в самый последний момент я струхну и поверну обратно, поэтому в приказном порядке вызвала меня сопровождать.

– Давай, ты должен это сделать. Я уверена, что она поможет тебе во всем разобраться, – взявшись обеими руками за мое предплечье и легонько потормошив, произнесла она.

Оторвав взгляд от двух молоденьких девушек-полицейских, куда-то спешащих и что-то увлеченно обсуждающих, я перевел его на Дашку. Она пошире открыла широко посаженные круглые глаза, за которые в детстве ее дразнили «монстриком», и кивнула в сторону поликлиники. Почему ей дали именно такое прозвище, для меня навсегда останется загадкой, ведь более милое создание в роду человеческом

еще поискать.

Рост этого монстрика сто пятьдесят семь сантиметров, а вес порядка сорока пяти килограммов. У нее светлые волосы, подстриженные под каре, чуть оттопыренные уши, пухлые губы при маленьком рте и круглое лицо, по которому ей не то что двадцать один год, и восемнадцати не дашь. А большие янтарные глаза только добавляли лицу детскости и миловидности, но никак не жуткости и отвратности.

Монстриком Дашка перестала быть после нашего с ней знакомства. Мне она виделась ангелом, ниспосланным для улучшения моего морального состояния, находившегося тогда на самом низком уровне. Взамен «ангел» требовал поддержки и защиты, и я с превеликим удовольствием ей их предоставил в полном объеме. Слова, как ожидалось, понимали немногие, поэтому приходилось прибегать к физической силе. Но так или иначе общественное мнение о Дашке я изменил кардинально – ангела в ней стали видеть и остальные.

– Ты, как всегда, права. Что ж, я готов.

– Тогда чего медлишь? Иди!

Страх неопределенности и мысли, внезапно заполонившие мозг, напрочь обрубали мое сознание. Я не помнил, что именно пробурчал напоследок Дашке и как покинул свой подержанный «шевроле». Ноги словно на автопилоте несли меня в заданном направлении, нагло игнорируя охранника, сторожившего вход. И это, похоже, его разозлило. Тот в два

счета настиг меня, вцепившись в рукав куртки.

– Уважаемый, вы к кому? – прохрипел он.

Я наконец пришел в себя и обернулся. Моему взору предстал поджарый пожилой мужчина невысокого роста. Выдав крайне неестественную улыбку, он отдернул руку и немного отстранился.

– Я записан на прием к доктору Минаевой. Что-то не так?

– Нет. Все в порядке. Просто процедура обязывает заносить в журнал фамилии всех посетителей, – заявил охранник, указав на свой стол. – Вы меня извините, если я был излишне резок, но... наша клиника одна из лучших в Москве, а отморозков, как вы знаете, хватает. Всегда надо быть на чеку.

– Ничего страшного, понимаю. Запишите меня: Никита Богданцев.

– Кабинет Натальи Владимировны на втором этаже. А там по коридору...

– Спасибо, я в курсе! – бросил я.

На дверях, на табличке, красовалась надпись: «Врач-психотерапевт Минаева Наталья Владимировна». Изучив ее досконально, мне понадобилось еще секунд десять, чтобы собраться с духом и дернуть за ручку.

– О, Никита Евгеньевич. Рада, что вы все-таки отважились прийти. У вашей девушки по телефону был такой грустный обеспокоенный голос. Проходите, снимайте куртку и присаживайтесь. Вам нечего бояться, я не кусаюсь, – показав

рукой на небольшой кожаный диван, протараторила она.

На вид ей было не больше двадцати пяти. Густые черные волосы, заплетенные в косу, худощавое лицо и очень милые глаза – не большие и не маленькие, но их опущенные уголки придавали им особое обаяние, которое при улыбке усиливалось настолько, что переключить внимание на что-нибудь другое у меня получалось с большим трудом. И если бы не чуточку крючковатый нос – единственное, что немного портило лицо, я вполне бы мог назвать ее красавицей.

Я повиновался и присел на диван. Докторша расположилась в кресле напротив.

– Итак, Никита Евгеньевич, вас постоянно мучают кошмары. Вы просыпаетесь в холодном поту и порой не осознаете даже, где находитесь. Я все правильно поняла из рассказа вашей девушки? Ее, кажется, Дарьей зовут, не так ли?

Я кивнул.

– Так, хорошо... Теперь вы должны поведать мне о ваших снах. И помните, что я призвана помочь вам, а не навредить.

Приятный голос понуждал расслабиться. Возникло ощущение, что ей не все равно и можно довериться.

– Чуть ли не каждую ночь мне снится один и тот же сон. Очень яркий и пугающий сон.

Сделав паузу, я откинулся на спинку дивана и устремил взгляд в потолок.

– Продолжайте.

– Мне снится, как весенней ночью я еду по незнакомой

трассе. Светит полная луна. Вдоль дороги по обеим сторонам мелькают непроглядные посадки деревьев. Ощущаю жуткую усталость и с большим трудом не позволяю глазам закрываться. Бензин почти на исходе. Я начинаю беспокоиться, что нужно где-то переночевать и дозаправиться. Наконец вижу поворот, на обочине которого стоит слегка наклоненный деревянный столб. На его вершине прикреплена металлическая пластина с названием какого-то населенного пункта. Я попытался прочесть, но не смог. Местами поржавевшая табличка представляла лишь обрывки букв, нанесенных кем-то белой краской, и остается только догадываться, сколько лет тому назад. Однако выбора не было, и я решаюсь повернуть. Потом про...

Оборвав повествование, кто-то постучался в дверь. От неожиданности передернуло не только меня, но и мою слушательницу. Не дожидаясь ответа, в комнату влетела симпатичная молодая особа. Она оценивающе окинула взглядом мою скромную персону, расплылась в улыбке и, не отводя глаз, обратилась к докторше:

– Наталья Владимировна, вот пришла узнать... Мм... Может, вы и этот приятный молодой человек желаете выпить кофе?

– Боже мой, Настя, сколько еще раз тебе нужно повторить, чтобы ты, в конце концов, уяснила? Когда я принимаю клиентов, то потревожить ты меня смеешь только в случае крайней необходимости. Если же вдруг понадобится твоя

помощь, тогда я сама тебя вызову. Ты все поняла?

– Да. Пожалуйста, простите меня, Наталья Владимировна. – Прослезившись, девушка аккуратно закрыла дверь и, цокая каблуками, побежала по коридору.

– Извините за это недоразумение. Настя всего несколько недель работает у нас секретаршей и пока еще не притерлась. Хотя вы явно ей понравились.

Минаева – психолог со стажем и, думаю, ей не составило особого труда определить мое полное безразличие к данной теме.

– Может, вы и впрямь чего-нибудь выпьете? – поинтересовалась она, но по моей недовольной физиономии поняла, что снова мимо. – Хорошо, вы правы. Давайте продолжим.

– В общем, проехав пару километров, я оказался в небольшой деревушке. Первое, на что обратил внимание, когда вылез из машины, – это гробовая тишина и темень. Ни одной живой души вокруг. Не доносился даже лай собак, свойственный деревне. Ни единого проблеска света – ни на столбах, ни в домах, ни где-либо еще. И если бы не ясная луна и фары, то вряд ли представлялось бы возможным вообще что-либо разглядеть. Тут я вспомнил, что в бардачке лежит фонарик, и, вооружившись им, направился к ближайшему дому. Меня не покидала надежда, что есть шанс кого-нибудь отыскать и попросить помощи. Но, к моему разочарованию, и первый дом, и второй, и пятый, и десятый не подавали никаких признаков жизни. Поначалу я негромко звал хозяев,

постукивая кулаками по воротам и калиткам, но моего терпения хватило до седьмой по счету избы. Тогда я принялся кричать во все горло и тарабанить с утроенной силой, пуская в ход не только руки, но и ноги. Однако такие действия также не увенчались успехом. Оставалось только одно. Ломиться во двор.

Насупив брови и застыв, как статуя, докторша вслушивалась в каждое слово. На мгновение мне показалось, что она не дышит. Честно говоря, я всегда сомневался во вменяемости представителей данной профессии. Возможно, они в разы ненормальнее тех, кого сами лечат. Хотя для меня это бесспорный плюс, потому что помочь мне сможет только ненормальный.

– Я старался вести себя предельно цивилизованно, но у меня никак не получалось отпереть калитки. Парадокс заключался в том, что никаких замков и засовов я не обнаружил. Будто вмешалась неведомая колдовская сила. Правда, меня это не остановило. Теперь уже без колебаний я перелезал через всевозможные ограды и заборы. И, попадая во двор, первым делом стучался в окна, а затем дергал входные двери, которые, в отличие от калиток, были незаперты.

Минаева вышла из ступора и подошла ко мне. Замкнув в ладошках мою правую кисть, она присела рядом. Мне не был понятен этот жест, но противиться не стал. Учащенно дыша и поглаживая мою руку, она тихонько спросила:

– Неужели все дома были пусты и вам никого не удалось

отыскать?

– Да, но дело не только в этом. Там я заметил нечто еще более странное.

– Что же?

Докторша придвинулась ко мне вплотную. Не буду кривить душой, я еще вначале оценил ее безупречную фигуру, умело упакованную в обтягивающие джинсы и водолазку. Натали явно следила за собой: спортом каким-нибудь занимается или же элементарно устраивает пробежки по утрам. За что ей бесспорно жирный плюс, но излишнее проявление заботы с ее стороны меня стало настораживать. Я вскочил с дивана и подошел к окну.

– Продолжайте, Никита Евгеньевич, не бойтесь. Помогайте мне помочь вам. Так что именно вы там увидели?! – недовольным, но заинтригованным голосом воскликнула она.

– У меня сложилось впечатление, что хозяева в бешеной спешке покидали свои жилища. Либо же, ни о чем не подозревая, они все в одночасье куда-то исчезли. Растворились, если хотите. И как мне казалось... в домах все осталось на своих законных местах, будто живущие в них люди отлучились куда-то ненадолго и вот-вот должны были вернуться. Мебель, аккуратно сложенные вещи, а в некоторых даже совершенно не тронутый приготовленный ужин, который, правда, уже давно испортился и наполнял помещение зловонным запахом.

– Невероятно, вы даже запахи ощущали?

– Ага. Так же как и сейчас ощущаю аромат ваших духов. Кстати, очень приятные духи, – сообщил я, не подумав.

– Ой, спасибо, Никита... Никита Евгеньевич. Я уже и забыла, когда мне в последний раз хоть какие-нибудь комплименты делали. А слышать их из уст такого человека, как вы, просто верх моих мечтаний, – волнительно протянула докторша. – Я не собиралась этого говорить и, пожалуйста, поймите меня правильно... Я ваша давняя поклонница. У меня есть все журналы с вашим изображением.

– Да что вы?

– Правда-правда. Все дело в ваших глазах.

– В глазах? Ну, вы даете, док. Глаза как глаза. Вполне себе обычные, карие.

– Нет, они проникновенные, целеустремленные, добрые и немного печальные. А при мужественных чертах лица, немножко даже грубоватых, мускулистом теле и вашей склонности стричься коротко, почти что налысо, – они выглядят очень необычно и очень подкупающе.

Натали знала свое дело. Лукавые напевы вынуждали мое мужское эго оставить умиротворяющий вид из окна и обернуться к развратной докторше. Я вдруг представил, как за моей спиной она со страстью стягивает с себя шмотки и раскидывает по сторонам. Не знаю, пускала ли она в ход свои психологические штучки, но меня реально к ней тянуло.

В этот момент из глубин сумеречной зоны мозга на свободу вырвался внутренний голос: «Ты что, Богданцев! Совсем

умом тронулся?! Да зачем она тебе сдалась?! Вокруг красоток хоть пруд пруди, а он нашел себе мадам позаковыристей! Ты бы еще с нашей уборщицей пенсионеркой бабой Шурой позаигрывал! Да уж, если бы твоя Дашка знала, какую лажу подсунула, то, наверное, трижды бы перекрестилась».

Послав куда подальше свой внутренний голос и отвлекаясь от падающего снега за окном, я обернулся. Закинув ногу на ногу, Натали сидела на диване. И, похоже, бросаться в мои объятия, в чем мать родила, не собиралась. Ну, по крайней мере, пока.

– Спасибо, конечно, за наброски моего психологического портрета, но сейчас он меня мало волнует.

– Да-да, извините, отвлекаться больше не будем. И что же было дальше, Никита? Можно я так к вам буду обращаться?

– Разумеется, даже нужно. А то уж слишком много чести в мои-то двадцать четыре, – ухмыльнулся я, плюхнувшись в кресло. – Наконец я наткнулся на один дом. Непростой дом, загадочный. Не помню, каким именно тот был по счету из всех мной осмотренных, но на фоне остальных он однозначно чем-то выделялся. Чем-то притягивал. Он будто зазывал к себе. Спокойно так, по-хорошему, ненавязчиво и дружелюбно.

– И вы пошли туда?

– А что мне оставалось? Конечно, пошел. И по мере приближения к дому ощущение присутствия в нем чего-то родного, близкого и знакомого только усиливалось. В этот раз

даже калитка не создавала мне никакого препятствия, отнюдь, она распахнулась от легкого нажатия. Но, к сожалению, ни во дворе, ни в доме опять никого не оказалось. Хотя окружающая обстановка мне тоже была до боли знакома. Это и недостроенная бетонная дорожка к дому, прерывающаяся в метре от порога... и детский велосипед с прикрученными сзади балансирующими колесиками, подпирающий стену летней кухни... и даже потрепанный полосатый диван в зале... Прямо дежавю.

– Осознание этого вызвало у вас беспокойность?

– Я бы так не сказал, скорее наоборот. Это трудно объяснить, но, пересекая порог, я почувствовал себя в безопасности, ощутил какую-то душевную теплоту, заботу. Дом будто нашептывал: «Не бойся, тебе ничего не угрожает. Здесь ты под защитой. Здесь ты можешь расслабиться и отдохнуть с дороги. Положись на эти крепкие стены, доверься зову, и все будет хорошо. А теперь давай приляг, поспи». И я доверился.

– В смысле?

– Прилег. Мне же надо было где-нибудь переночевать, не так ли? – приподняв брови, поинтересовался я. Натали кивнула, заулыбалась и окинула меня несколько похотливым взглядом. – Вот я и завалился без задних ног на тот самый потертый диван. Правда, подремать толком так и не получилось. Неожиданно раздался громкий хлопок, заставивший меня раскрыть глаза, вскочить и рухнуть коленями на пол. В

окне напротив я разглядел прислоненную к стеклу детскую ладошку, а вслед за ней появился и сам ребенок. Мышцы моего тела отреагировали незамедлительно. Некоторые из них затрепыхались, будто к ним незаметно подвели провода и врубили ток на полную катушку, а некоторые, наоборот, сковало, как при эпилептическом припадке. Сердце заколотилось с такой силой, что казалось, взорвется от перенапряжения...

– Спокойнее, Никита, спокойнее. Не волнуйтесь.

– На вид мальчугану было лет одиннадцать – двенадцать, не больше. Его глаза выражали сильную боль и горечь, а кожа имела неестественно бледный цвет, как у мертвецов. Только одним им весь этот кошмар не ограничивался. В обоих окнах зала стали появляться и другие люди. Мужчины, женщины, старики и дети. Они снова и снова тарабанили в окна, завывая хором: «Помоги нам! Помоги нам! Помоги нам!» Дрожь настолько сильно сковала ноги, что я с колен встать не мог, не то что бежать куда-то. Хотя следовало бы, да сломя голову. Но было уже поздно! Разбив стекла, они принялись залезать внутрь. И единственное, что мне оставалось в такой ситуации, – лишь схватиться за голову и орать. Орать что есть мочи. Орать до посинения. Орать в надежде, что кто-то прибежит ко мне на помощь. И я орал! Орал почти каждую ночь. Орал, пока не просыпался.

Улыбка с лица Натали исчезла уже давно, а в притягательных зеленых глазах прослеживался страх и сопереживание.

Признаюсь, грешен, но мне страсть как захотелось пожалеть ее, прижать к себе. Чудом сдержался. Хотя, видимо, в ее планы понятие «сдерживаться» не входило. Подкравшись сбоку, она нежно обхватила мою голову и, притулив к животу, в полтона промолвила:

– Боже мой, какой ужас. Мне так жаль вас, Никита. Но ваша мужественность и терпение просто впечатляют. Мне бы и одной такой ночи хватило, чтобы потом с инфарктом в больнице оказаться. И как давно вам это снится?

– Еще с детства.

– Как с детства? – отпрянув от меня, удивилась докторша.

– Нет, ну не каждую ночь, конечно. Раньше такое случилось очень редко. А вот в последние месяцы чего-то зачистило.

– Не верю своим ушам. С таким мне сталкиваться еще не приходилось. Да это же...

– Понятно, то есть вы не сможете решить мою проблему, – перебив, пробурчал я.

– Что вы, я не о том. Пожалуйста, Никита, верьте мне. Я обещаю сделать все возможное и невозможное. Ведь за это вы мне и платите, не правда ли? Хотя лично вам я бы и бесплатно помогала. Меня интересует другое. Почему вы раньше не обращались за помощью к специалисту? И почему ваши родители бездействовали?

– Не знаю, по-моему, как-то не совсем нормально ходить и рассказывать о своих снах всем, кому не лень. А что каса-

ется родителей, то это для меня вообще большая тема. – Я глубоко вздохнул и опустил глаза. – Нет у меня родителей. Детдомовский я.

– Господи, простите. Я и подумать не могла, ведь у вас такая карьера... Вы знаменитость...

– Не парьтесь, Натали. Все нормально. Хотя насчет карьеры вы, конечно, погорячились. Откровенно говоря, я уже и сам не рад, что влез во всю эту клоунаду.

– Понимаю, вам нелегко, – кокетливо дефилируя к столу, проронила она.

Я пристально сопровождал докторшу взглядом, но, то ли к моему разочарованию, то ли успокоению, ее целью оказался лишь блокнот и ручка.

– Записывать-то зачем? – не сдержался я.

– Не обращайтесь внимания – это неотъемлемая часть моей работы. Чтобы выстроить наиболее верную картину, я обязана учесть все детали, которых немало. А без наглядного отображения на бумаге сделать это довольно затруднительно. Результат в лучшем случае получится так себе, а я профессионал и не приемлю...

– Хорошо, я понял.

– Никита, далее я попрошу вас относиться лояльно ко всем моим вопросам. Возможно, они покажутся вам некорректными, местами даже болезненными. – Она присела на самый краешек дивана. – Еще раз повторяю: сейчас вам нечего опасаться и постарайтесь мне довериться. Помните,

я лишь хочу вам помочь. Итак, вы готовы?

– Более чем.

– Во сколько лет вы попали в детдом?

– В одиннадцать.

– А что случилось с родителями?

– Не знаю, я их даже не помню.

– Странно. Вы пытались что-нибудь о них узнать? Как-то разыскать?

– Само собой. И справки всякие наводил, и даже частного детектива нанимал, но все насмарку. Все ниточки, которые можно было отследить, вели только к детдому и на нем же обрывались. А это полный тупик, ведь там, кроме имени, обо мне больше ничего не знали. Рассказывали лишь о том, как вместе с парой беспризорников, где-то на окраине Москвы, меня подобрал полицейский патруль. При обыске ничего существенного обнаружено не было, а помимо своего имени и возраста я ничего не помнил. Тогда-то я и очутился в детдоме. Фамилия, отчество, дата и место рождения – все придумывалось на месте. Вот такой вот, Наталья Владимировна, замкнутый круг вырисовывается.

Отвлекаясь только кивнуть или поддакнуть, докторша не переставая что-то записывала. Вначале ее милое личико слегка нахмурилось, затем до неузнаваемости скривилось и обрело серьезность, а под конец вообще стало каким-то слегка безумным, что ли, но вместе с тем и отрешенным. Видимо, физическая оболочка Натали покоилась здесь, в этой

комнате, тогда как мысли и разум витали где-то за пределами человеческого понимания. Ее глаза потускнели. Они словно насквозь пронизывали все попадающееся в их поле зрения. Мне уже начало казаться, что из утробы ее тщедушного тельца на свободу вырвется нечто демоническое. Нечто совершенно неуправляемое и жаждущее моей крови. Но, слава богу, Натали – профессиональный психолог, а не организатор спиритических сеансов, поэтому опасаться было нечего.

Когда мои ответы себя исчерпали, она еще некоторое время, уставившись в блокнот, что-то усердно обмозговывала. До того момента, пока моему терпению не пришел конец и я не осмелился ее потревожить:

– Ну что? Получается?

Маневр сработал. Душа вновь обрела свое тело, возвращая мне прежнюю Натали. Построив глазки, она поправила челку, набрала полные легкие воздуха и, с силой выдохнув, спросила:

– Рассказывая сон, вы упомянули именно весеннюю ночь. Почему весеннюю? А не, допустим, летнюю или даже осеннюю?

– Интересный вопрос, хотя и неожиданный. Вижу, вы внимательно меня слушали, док, – ухмыльнулся я. – Почему весенняя? Не знаю. Во сне я просто знал и все, что на дворе апрель. А что, эта деталь так важна?

– Все детали важны, Никита. И кошмар этот не зря вам каждую ночь снится. Я считаю, что он вплотную связан с ва-

шим прошлым и является неким сводом воспоминаний, которые, кстати, не без вашего участия стремятся вылезти наружу.

– То есть все это время я пытаюсь что-то вспомнить?

Докторша кивнула.

– Ну не знаю, док. Звучит как-то бредовенько, вам не кажется?

– Нет, – обижаясь, бросила она. – Скорее всего, в возрасте десяти – одиннадцати лет вы пережили сильный шок, и, дабы оградить вас от мучительных воспоминаний, подсознание загнало их далеко вглубь. Но вы давно уже не маленький мальчик. И теперь готовы все вспомнить. Даже более того, вы этого жаждете. Подсознание больше не видит угрозы и вновь старается помочь. Только преподносит обрывки прошлого через сновидения, в форме картинок и не связанных сюжетов, выглядящих такими мистическими и пугающими.

– Недурно. Вы уже можете сделать какие-нибудь предположения?

– Постараюсь.

Снова ощутив себя гуру психологических наук, Натали преобразилась. Однако ее желание блеснуть во всей красе опередил мой мобильник. Звонила Дашка.

– Что, родная? Устала ждать? – приняв вызов, спросил я.

– Да. Ты там долго еще?

На циферблате раритетных часов, висевших на стене, стрелки показывали без пятнадцати пять вечера. Я с ног до

головы окинул докторшу взглядом и, почесав затылок, ответил:

– Да, Дашенька, думаю, это затянется.

– Тогда я возьму такси. Кирилл пригласил меня прогуляться, и я хочу успеть привести себя в порядок. Ты не против? Сам справишься?

– Да-да, конечно. Спасибо, что поддержала, без тебя бы я так и не решился. Ключи от машины у меня. Да и вряд ли кто-либо на мою развалюху позарится. Ну, все, беги, родная. Кириллу привет.

– Хорошо. Потом все расскажешь. Пока!

– Даша волнуется? Наверное, очень любит вас. Хотя иначе и быть не может, – как-то сумбурно проговорила докторша. – Уверена, что вы отличная пара.

– Стоп, стоп, Натали. Притормозите маленько. Дашка не моя девушка.

– Как? Но вы же сами говорили...

– Нет, я как раз ничего подобного не говорил. Это вы почему-то так для себя обозначили.

– Боже мой, извините! – Прижав к груди блокнот, она помотала головой.

– Ничего. Слишком часто извиняетесь, – ухмыльнулся я. – Дашка для меня самый родной человечек на этой планете. Все для нее сделаю. Она мне, как сестра. Мы росли вместе в детдоме и всегда друг о друге заботились. Понимаете?

Натали хотела что-то сказать, но, передумав, только кив-

нула.

– А теперь давайте вернемся к моему сну, док.

– Начнем с деревни. Я думаю, что, будучи ребенком, вы жили там с родителями. На указателе поселка трудно что-либо разглядеть... это снова подсказка о месте вашего рождения. В действительности вы знаете название, пытаетесь вспомнить, но не можете. Последний дом, в котором вы так хорошо и уютно себя чувствуете, когда-то был вашим родным домом. Что касается людей, то здесь у меня пока особых мыслей нет. Возможно, они были соседями.

– Погодите, а что же тогда означает апрель? – насторожился я.

– Промежуток времени, когда вы пережили шок.

– Ну вы даете! Я и представить не мог, что из сна можно столько вынести, а еще и связать воедино.

– Конечно, сны не совсем то, чем я обычно занимаюсь, но, думаю, мои предположения верны. Да только все это лишь капля в море. Чтобы помочь вам все вспомнить, нужен другой подход. Очень действенный.

– Какой же?

– Гипноз, – уверенно заявила она.

– Согласен!

– Не торопитесь, Никита, вы должны все хорошо обдумать. Просто некоторые побаиваются гипноза и...

Решила испытать терпение психически нестабильного клиента? Что ж, вот и доиспытывалась! Любому терпению

рано или поздно приходит конец, даже самому наикрепчайшему. Пришел он и моему. И я сорвался. Сорвался так, что у докторши глаза помокрели. Наверняка мой голос даже секретарша услышала:

– Ё-моё, док! Я же уже сказал, что согласен! Понимаете – со-гла-сен! Я лишь хочу узнать эту паршивую правду о себе, о родителях и этой проклятой деревне!

Пар вышел, и теперь мне стало ее жаль. Шмыгая носом, она испуганно поглядывала из-под длинной челки, боясь пошевелиться. Похоже, я перестарался. Нужно было срочно реабилитироваться.

– Простите, что-то меня занесло. Столько всего навалилось...

– Проехали. Я все понимаю. Прошу только, не забывайте, что я лишь хочу помочь вам исцелиться.

– Хорошо.

– Но если вы уверены, что готовы к гипнозу, тогда давайте встретимся завтра. Мм... часиков в одиннадцать, вас устроит?

– Да, вполне, – поспешил я. – Натали, у меня к вам предложение.

– Слушаю.

– Я хочу загладить свою вину и пригласить вас чего-нибудь выпить.

Докторша колебалась недолго. Ее глаза загорелись, а ротик расплылся в довольной улыбке. Все и без слов было яс-

но, но она решила перестраховаться:

– Почему бы и нет. Куда пойдем?

После кафешки, двух ночных клубов, дорожного пошла и прогулок по московским аллеям докторша пригласила меня оценить ее недавнее приобретение: просторную однокомнатную квартиру недалеко от центра, в новостройке на четырнадцатом этаже.

Какая связь может быть между одной комнатой и просторностью, для меня так и осталось загадкой. Могу лишь констатировать, что жилая комната и коридор были чуть больше среднего. А вот кухонька как кухонька, вполне себе обычная – семь-восемь квадратов. Ванная комната, совмещенная с туалетом, и лоджия тоже особо ничем не выделялись.

Так о какой такой просторности шла речь? Притом что хозяйка пока еще не успела основательно разжиться мебелью. В зале – раскладной диван, два кресла, журнальный столик и комод, на котором стоял телевизор, в кухне – стол с парой стульев, а в коридоре – трехдверный шкаф. Вот и вся мебель, пожалуй. Но ее хватило с головой, чтобы на треть захламить квартиру. Что же будет дальше-то с просторностью, когда хозяйка вплотную займется благоустройством?

## Глава 2

# Хозяин воспоминаний

На полу возле журнального столика стояла полупустая бутылка выдохшегося шампанского. Телевизор еле слышно доносил бездарные реплики актеров какой-то второсортной американской мелодрамы, а ранее идеально застеленная простыня была скомкана и свисала с дивана. Сложив руки за головой, я лежал неподвижно. Натали располагалась рядом. Рисуя указательным пальцем узоры на моем животе, она что-то напевала шепотом.

Никак не реагируя, я устремил взгляд в потолок, изучая непонятный рисунок на обоях.

Да уж, лихо мы порезвились. Я и не предполагал, что в ней столько прыти. Обязательно надо будет повторить.

Натали прижалась посильнее и, подтянув одеяло чуть ли не под шею, решила нарушить мои раздумья:

– Мне так хорошо с тобой.

– Да и я не жалеюсь.

– Никита, а у тебя кто-то есть? Встречаешься с кем-то?

Не зря же гласит народная мудрость: «Не каркай, а то накаркаешь!» И она накаркала. Я и рта не успел раскрыть, как мой телефон начал разрываться звучанием популярной клубной музыки. И к гадалке не ходи, наяживала моя благо-

верная. Натали первой дотянулась до мобильного и, протягивая мне, проворчала:

– Какая-то Анжела.

– Вот и ответ на твой вопрос!

Анжела – это отдельная история. Нет, она не была мне женой, возлюбленной или даже другом. Кем же тогда? Я встретился с ней около полутора лет, но так и не смог дать точный ответ на этот вопрос. А чтобы разобраться в сути, для начала нужно узнать, кем я был до нашего знакомства. Да так, никем! Подрабатывал охранником в ресторане. Оно и понятно; когда я вернулся из армии, кроме голубого берета за пазухой и рабочей специальности, у меня больше ничего не было. Специальность я отбросил сразу. Не мое! Даже называть ее не буду. А вот навыки, полученные на службе, пригодились.

Моя жизнь текла своим чередом, как у миллионов россиян. То есть обыденно, бескрасочно, на грани выживания. Однако в один прекрасный вечер судьба преподнесла мне шанс. В наш захудалый ресторанчик, где я и подрабатывал охранником, вбежала молодая симпатичная девушка. Она рыдала и звала на помощь. Мне понадобилось несколько минут, чтобы ее успокоить, узнать, в чем дело, и вырубить двух невменяемых верзил, ошивавшихся неподалеку.

Как выяснилось позже, у ее «тачки» спустило колесо, телефон разрядился, машины не останавливались, вдобавок и место не особо людное, а поменять на запарку – не царское дело. В общем, полный аврал. Оставалось только брести, ку-

да глаза глядят, в поисках спасения. Тогда-то за ней и увязались эти спасители, истосковавшиеся по женскому телу и набитому кошельку. Девушка оказалась некоей Анжелой Стаховой, представительницей золотой молодежи, дочерью владельца одного из лучших в Москве модельных агентств и нескольких студий звукозаписи. Не сложно предположить, что в полицейском участке ее обидчикам доходчиво обрисовали грань между плохим и хорошим.

Но не будем отклоняться от главного. Анжела по уши в меня втрескалась. И у нас закрутилось. Она показала мне иной мир. Мир, о котором могут только мечтать такие простаки, как я. Мир денег, роскоши и власти. Правда, на этом Анжела не остановилась. Ей вздумалось сделать из своего нового бойфренда знаменитость. Проигнорировав мои насмешки, она убедила всех вокруг, включая папашу, в моей неотразимости, харизме и прочей дряни. Оказалось, что моя физиономия вполне подходит для обложек журналов, а подкачанное тело – для рекламы модельных шмоток.

Мобильник не переставал трезвонить. Покрутив в руках, я отключил его и вернул докторше.

– Настолько все плохо? – спросила она.

– Хуже не бывает!

– Расскажешь?

– Ну уж нет, док! В эту тему не лезь!

– Хорошо, обещаю. Только что ты ей скажешь о сегодняшней ночи?

– Не важно, что-нибудь придумаю.

– Никита, а мы вот так еще встретимся?

– Даже и не сомневайся.

Через пару минут, не меняя позу, Натали уже посапывала. Еще через пару сработал таймер в телевизоре, заглушив наконец-то тошнотворное жужжание. Но вот чтобы дотянуться до пульта от галогенной люстры, валявшегося рядом с диваном, мне пришлось поднапрячься.

Я выключил свет. Сомкнул веки. И снова – дорога, поворот, указатель, деревня, дом и полуживые настырные соседи. Далее последовала соответствующая реакция: я закричал и проснулся.

– Господи, как ты, Никита? – прозвучал знакомый голос, и зажегся свет.

Нависнув надо мной, Натали стояла в коротеньком халате, прижимая к носу окровавленный платок.

– Что случилось? – опешил я.

– Ты громко стонал. Я попыталась тебя разбудить, потормошила за руку, а в ответ... ты резко дернулся и черкнул локтем мне по носу.

– Прости. Даже не знаю, что и сказать.

– Ничего страшного, как-нибудь переживу, – присев рядом, пробурчала она.

– Сколько сейчас времени?

– Начало шестого.

– Я, наверное, пойду.

– Не торопись. Думаю, твоя проблема не терпит отлагательств. Я могу здесь и сейчас ввести тебя в гипноз, если ты, конечно, этого хочешь.

– Хочу! – нахмутив брови, провозгласил я. С одной стороны, меня пугал предстоящий эксперимент, но с другой – вызывал дикое любопытство. – Делай все, что нужно. Мой мозг полностью в твоём распоряжении.

Всего мгновение понадобилось Натали, чтобы умыться, собрать в хвостик взъерошенные волосы, придвинуть к дивану пуфик и усесться на него. Склонившись надо мной, она приложила к моему лбу ладошку. Спокойным, монотонным голосом велела смотреть ей в глаза и поочередно расслаблять каждую мышечную группу. Начиная с ног, заканчивая лицом. Мои веки тяжелели, пока не закрылись полностью. Следуя за голосом и беспрекословно выполняя все его прихоти, я переставал ощущать свое тело. Теперь оставался только разум. Сознание. И голос:

– Ты чувствуешь легкость и освобождение от всего мирского. Ты – сгусток энергии, вырвавшийся из физической оболочки и способный перемещаться, куда пожелаешь. Будь то любые планеты и созвездия, временные эпохи и измерения. Помни, я с тобой... и ничего не бойся. В любой момент ты можешь все остановить или вернуться обратно. Сейчас я хочу, чтобы ты перенесся в тот день, когда расстался со своими родителями.

Передо мной вдруг замелькали события и лица из про-

шлого, как кадры кинофильма, которые кто-то перематывает вспять. Я увидел армейских друзей и адскую муштру, через которую нам вместе пришлось пройти. Дашку, толкающую умные речи. Детдом и строгую, но справедливую воспитательницу, заменившую мне мать. В конце концов желаемый результат был достигнут: с разумом взрослого я вселился в тело себя десятилетнего.

– Что ты видишь? Где находишься?

– Я стою возле собачьей конуры во дворе дома и держу в руках баскетбольный мяч. Старый облезлый пес бегает вокруг меня, виляет хвостом и гремит цепью. Он мне кажется огромным, но совершенно безобидным. Припекает солнце. Все зеленеет, цветет и пахнет. Мне хорошо. Чувствую в себе неиссякаемую энергию, которая так и рвется наружу. Мне хочется прыгать, бегать, подбрасывать мяч...

– Это тот дом, который ты видел во сне?

– Да. Один в один.

– Во дворе есть какие-нибудь люди?

– Нет.

– Хорошо. Теперь прокрутим время немного вперед. На пару часов.

– Я уже в доме. Сажу на табуретке в кухне и пью молоко с пряником. У плиты готовит какая-то женщина. И пока я наблюдаю только ее спину. Хотя... да, вот она обернулась. Подошла ко мне, погладила по голове и поцеловала в щеку, – говоря задумчиво, я вглядывался в ее лицо, пытаюсь вспом-

нить, откуда мне так хорошо знакомы его черты. Женщина спросила, не хочу ли я еще пряников, и прояснение нагрнуло сию же секунду. Ее голос помог тому случиться. – Я не верю, док...

– Что? Ты узнал ее? Это твоя мать?

– Да.

– Понимаю, эмоции тебя переполняют, но нужно продолжать.

– Не беспокойся, я в порядке. Сейчас иду в зал. За столом сидят двое мужчин. Один из них подхватил меня и посадил к себе на колени. Его я тоже узнал. Он мой отец.

– Кто же второй?

– Не знаю, мне он незнаком. Отец называет его Максимом. Не могу точно разобрать, о чем общаются, но они довольно уважительно друг к другу относятся. Шутят иногда. Похоже, они друзья.

– Или родственники.

– Может, и так, но пока об этом ни слова.

– Ничего, еще выясним.

– Мать пришла. Поставив на стол несколько блюд и графин с каким-то зельем, она снова удалилась на кухню. А отец, наполнив стопки, начал выпроваживать меня погулять.

– Имена родителей упоминались?

– Да. Мать зовут Светлана, а отца – Сергей.

– Молодец. Дальше тебе будет нелегко, но эта деталь не менее важна. Постарайся вспомнить название деревни. Ты

должен его знать. Возможно, от кого-то когда-то слышал или же видел при въезде на указателе... Да, точно! Сконцентрируйся именно на указателе. Просто так бы он тебе не снился.

В ответ я только промычал.

– Не сдавайся, Никита. Отбрось все лишнее. Очисти разум и сосредоточься.

Сопровождая свои усилия постаныванием и невнятным бормотанием, я отыскал нужный эпизод.

– Ну как, что-то проясняется? – не вытерпела она.

– Ага...

– Где ты сейчас?

– В автобусе. Мать сидит рядом у окна. Не знаю, куда мы направляемся, но деревня осталась позади. А вот и указатель проезжаем...

– Что на нем?

– Он по другую сторону автобуса, поэтому вижу я его только мельком. Да еще и автобус, как назло, битком набитый. Уже несколько раз прокрутил этот момент – и все безрезультатно. Я не успеваю рассмотреть надпись.

– А успевать и не надо. Постарайся замедлить происходящее или даже остановить. Прими тот факт, что ты являешься хозяином своих воспоминаний и вправе делать с ними все, что угодно.

– Да-да, я понял. И знаешь, по-моему, начинает получаться. Так. Ага. Уже близко, – промямлил я. – Вот оно, есть!

– Ну же, говори название!

– Потрошино.

– Отлично!

Далее пошло-поехало. По отработанному сценарию мы вычислили и мою настоящую фамилию, звучащую довольно незамысловато – Федоров, и расположение деревни, находившейся в пятидесяти километрах к востоку от Москвы, и даже численность населения, произнесенную председателем сельского совета на праздновании Масленицы. В поселке тогда проживало чуть больше трехсот человек.

По мере погружения в прошлое я хотел знать все больше и больше. Но неожиданно раздался звон будильника, вырвавшийся из той же реальности, откуда доносился пытливый монотонный голос. Прекратив раздражающее дребезжание, Натали прошипела пару нецензурных слов и обратилась ко мне:

– На сегодня хватит. На счет три ты откроешь глаза и будешь помнить все, что увидел. Раз! Изображение искажается. Картинки и образы плавно сменяются ярким белым светом. Два! Твое сознание вновь обретает тело, но уже обновленное, абсолютно здоровое, полное сил и энергии. Три!

Докторша хлопнула в ладоши, и мои веки распахнулись. С недоумением взглянув на нее, я произнес первое, что пришло в голову:

– Натали, ты не только самая сексуальная врачиха из всех, которых мне доводилось видеть, ты еще и самая гениальная!

– Знаю, – улыбнулась она. – Но, к сожалению, мы так и

не выяснили главное: почему ты лишился родителей? Ведь у вас семья была довольно крепкая и благополучная. Тебя любили. О тебе заботились. Очень странно.

– Да, очень. И мы как раз подходили к разгадке. Зачем ты все оборвала?

– Прости, милый, хочу успеть привести себя в божеский вид. Владелец поликлиники зачем-то собирает всех врачей, поэтому в восемь часов я как штык должна быть на работе.

– Понятно, – буркнул я, потянувшись к джинсам.

– Мне это нравится не больше твоего.

Натали чмокнула меня в щеку и направилась в ванную. Стянув на ходу халат, она несколько раз обернулась, демонстрируя фальшивую застенчивость. Этого с лихвой хватило, чтобы заставить мое сердце биться на запредельной частоте. Дверь в ванной комнате захлопнулась, зашумел душ, а образ недурно сложенного тела так и остался перед моими глазами.

Что ж мне теперь, невымытым отсюда выбираться? Э нет, такое гостеприимство меня не устраивает! Отшвырнув джинсы, я понесся к заветной двери и дернул за ручку. Дверь оказалась незапертой. И то ли от неожиданности, то ли по заранее спланированному сценарию намыленное тельце встрепенулось.

– Вот решил спинку твою до блеска оприходовать.

Вспыхнувший энтузиазм в ее глазах и полетевшая в меня мочалка указывали только на одно: докторша не возражала.

# Глава 3

## Странная статейка

Пересекая порог одного из паршивых кафе-баров столицы, я расстегнул молнию на нейлоновой куртке, откинул капюшон и осмотрелся. Несмотря на то что моя съемная двухкомнатная квартира располагалась всего в трехстах метрах от этого заведения, бывать здесь ранее мне не приходилось.

Чутье не подвело. Внутренний вид миниатюрного сооружения выглядел не лучше внешнего. В колорите тусклого освещения и светло-коричневых стен, увешанных мазней готических художников, в моем мозгу он отождествился с похоронным бюро. И если бы не шесть овальных столиков, мелькающая официантка и барная стойка с молодым угрюмым барменом, мне пришлось бы всерьез задуматься: а туда ли я вообще попал?

Прескверное настроение приподнялось, когда среди дюжины посетителей я заметил лицо своего друга, сидевшего за последним столиком. Привстав, Кирилл помахал мне. Скрипя разохшимся паркетом, я торопливо подошел к нему и поприветствовал рукопожатием.

– Ну, ты, брат, и красавец! Чего так рано-то? Мог бы успеть еще какую-нибудь барышню осчастливить. Все равно я уже смирился со своей участью заночевать в этом борде-

ле, – рассвирепел тот.

– Прости, старик. Сам знаешь, пробки на дорогах.

Присев за стол, я улыбнулся моментально подлетевшей официантке.

– Добрый вечер. Что будете заказывать? – поинтересовалась она. – У нас превосходный повар и готовит так, что пальчики оближешь.

– Не сомневаюсь, но буду только кофе.

– Хорошо. – Заискивающе улыбнувшись, она так же быстро исчезла, как и появилась.

– Ох, Никита, я бы тебе не советовал. Понятия не имею, какая у них еда, но это пойло – точно никуда не годится.

– Ничего, мой желудок и не такое видывал. Зато здесь обслуживание замечательное. Глянь, уже несет.

– Пожалуйста, ваш кофе. Может, все-таки еще что-то желаете?

– Нет, благодарю.

Протягивая клочок бумаги, официантка склонилась, прошептал мне в ухо:

– Меня зовут Кристина. Заканчиваю в семь. Позвони.

Я ничего не ответил, но, дабы ее не расстраивать, запихнул номерок во внутренний карман куртки. Поправив рекламный чепчик на каштановых волосах и виляя худощавыми бедрами, она нехотя удалилась на кухню.

Кирилл придерживался весьма строгих консервативных взглядов на жизнь, и наблюдать за ним в таких ситуациях

было одно удовольствие. Я с трудом сдерживался, чтобы не разразиться хохотом. От негодования его нижняя челюсть подавалась вперед, рот кривился, щеки краснели, а добродушные синие глаза заметно увеличивались в размерах. Таким его лицо стало и сейчас.

Проведя ладонью по коротким рыжим волосам, торчащим ежиком, он осуждающе покачал головой и прокряхтел сквозь зубы:

– Отвратительно. Она хоть совершеннолетняя?

– Да кто ж ее знает-то, но лично я сомневаюсь.

– Ты как дитя малое, Богданцев. Никогда не образумишься. А, собственно, чего я лезу? Смотри сам, тебе жить.

– Так что у тебя стряслось-то? И что за срочность такая была? Вряд ли ты позвал меня в этот гадючник, чтобы почитать нотации.

– Ты прав, брат! – выдохнув, волнительно изрек он.

Кирилл вынул из набитой всяким хламом барсетки маленькую коробочку и, расположив посреди стола, приоткрыл.

– Ну, как тебе? Нравится?

– Ты в своем уме? Представляю, как это со стороны выглядит. Еще бы на колени встал и предложение сделал.

– Ха-ха-ха! Такой громила, а переживаешь за то, что другие подумают. Может, еще встать и перед всеми оправдаться?

– Ага, тебе смешно, а мою физиономию каждая собака

знает. Не хочу, чтобы завтра в газетах черт-те что напечата-  
ли.

– Не носи ерунды! Короче. Ну так как, пойдет колечко?

Мои опасения оправдались. Три унылые барышни, обло-  
котившиеся на барную стойку и не спеша потягивающие сла-  
боалкогольные напитки, заметив не совсем пристойное по-  
ведение, вдруг оживились. С задором шушукаясь и ехидно  
посмеиваясь, они не сводили с нас глаз, надеясь на продол-  
жение. И, похоже, даже не прочь были поаплодировать этому  
увлекательному зрелищу, только бы оно не прекращалось.

– Симпатичное. Я уверен, что Дарья просто обомлеет. А  
теперь будь добр, спрячь его обратно, – прорычал я.

– Ха-ха-ха! Ладно-ладно, не нервничай.

– Ну и когда ты собираешься осчастливить мою сестренку  
этой безделушкой?

– «Безделушкой»? Между прочим, я на него три своих  
зарплаты истратил.

– Да шучу я. Колечко что надо. Так когда?

– Завтра вечером. Я уже и столик в ресторане заказал.

– Молодчага! Рад за вас! – Привстав, я хлопнул его по  
плечу и пожал руку. – Дашка достаточно за свою жизнь на-  
страдалась. Хватит! Пусть, наконец, ощутит, что такое на-  
стоящая семья.

– Думаешь, я смогу ее осчастливить?

– Моя сестренка в людях не ошибается. Если она верит,  
что сможешь, значит, и я в это верю.

– Спасибо, братишка. Не ожидал.

Я не лукавил. Несмотря на высокий рост, мощную фактуру и хладнокровное мясистое лицо, Кирилл являлся человеком добрейшей души. Дашка познакомилась с ним, когда я еще служил в десантуре. Ох как нелегко ей тогда приходилось. Думаю, не легче моего. Одна в столице. Работала по четырнадцать часов швейей буквально за копейки у каких-то зажиревших частников. В письмах писала, как замечательно у нее все складывается, а сама еле концы с концами сводила. До сих пор как подумаю об этом, так мурашки по коже.

Ну да ладно, чему быть, того не миновать. В общем, помог ей Кирилл. Устроил на нормальную работу. Вытянул из захудалой общаги и определил в однокомнатную квартиру на окраине. Квартирка принадлежала одному его знакомому, поэтому Дашка платила сущие гроши. Кстати, после демобилизации преподнесенная мне на блюдечке с золотой каемочкой работка в ресторане тоже его рук дело. И что самое удивительное, он никогда этим не попрекал и ничего не требовал взамен.

В свои двадцать девять лет, благодаря незаурядному мышлению, стойкому характеру и кропотливому труду, Кирилл добился весьма неплохих успехов в карьере. Без малейшей лести сказано: в Москве его каждая собака знала. Нет, он и близко не принадлежал к элитной когорте финансовых воротил, звезд шоу-бизнеса или депутатов Государственной думы. Более того, презирал их подавляющее большинство, а

некоторых демонстративно ставил на место и заставлял по-баиваться. Одни считали его журналистом от Бога, защитником малоимущих, скандалистом и правдолюбом, другие – занозой в ягодичной мышце. Два года назад ему доверили пост главного редактора популярной газетенки, бесцеремонно вмешивающейся в политическую, светскую и криминальную жизнь столицы. Кирилл не только оправдал оказанную честь, но и поднял рейтинги газеты на порядок выше.

– Ну а как там обстоит дело с твоими кошмарами? Врачиха помогла? – нахмурился он.

– Да, она молодец. Настоящая профи. Даже в гипноз погружала.

– В гипноз? Зачем?

– Оказывается, в моем сне все мое прошлое закодировано.

– Да ну?! Бред какой-то!

– Не скажи. Я смог вспомнить своих родителей, свой дом и деревню родную, в которой прожил до одиннадцати лет.

– Невероятно. И что же случилось? Почему ты оказался в детдоме?

– Не знаю, до этого мы еще не дошли. Но уверен, что родители от меня не отказывались и на улицу не выгоняли. Они не были какими-то конченными пропойцами или наркоманами. Думаю, с ними произошло что-то ужасное.

– Что?

– Вот это мне и предстоит выяснить.

– Дашеньке уже рассказывал?

Кивнув, я отхлебнул подстывшего кофе, скривился и оставил на край стола.

– А я тебя предупреждал, Богданцев. Кофеек здесь просто первоклассный! – засмеялся Кирилл.

– Да уж, – ухмыльнулся я. – Одно утешает, что первоклассных блюд от превосходного повара не заказал.

– Значит, займешься теперь поисками родни?

– Само собой. Но без тебя мне не справиться. Поможешь?

– Сделаю, что смогу.

– Отлично. Для начала...

– Для начала нужно узнать, где находится та деревня. Как там она называется?

– Потрошино. – Я машинально потянулся к чашке, но, вспомнив отвратный вкус, опомнился. – Поверь, я не прохладился. Полдня на Интернет угробил, а потом даже съездил в один из архивов. И вот что я тебе скажу, дружище: деревни с таким названием, по крайней мере, в Московской области, не существует!

– А может, вы с врачом чего-то напутали?

– Ага, сначала я тоже так подумал, пока не нарыл вот это странноватое чтиво... – Говоря, я обшарил карманы куртки и рубашки, но то, что меня интересовало, отыскалось в заднем кармане джинсов. Достав сложенный вчетверо листок ксероксной бумаги, я торопливо развернул его и протянул Кириллу. – Обрати внимание на год издания.

– Статья четырнадцатилетней давности?

Я кивнул.

– Ладно, и что тут у нас? «Таинственное исчезновение целого поселка, или Геноцид в Потрошино». Не понимаю, что...

– Ты читай!

Статья несла агрессивный характер. Автор обвинял некоторых высокопоставленных чиновников в организации и последующем замалчивании событий, случившихся в поселке Потрошино. Чаще других фигурировала фамилия некоего Шакалова, директора небольшого химзавода и депутата местного самоуправления в одном лице. Являясь непосредственным куратором творившегося там безобразия, он преследовал цель – варварски завладеть сотнями гектар потрошинской земли.

Привилегированная ячейка, включающая в себя еще и блюстителей правопорядка, решила создать кусочек коттеджного рая вдали от шумной загазованной столицы. А деревня хоть и дышала на ладан, но удачным расположением и живописными местами, заправленными чистым воздухом, славилась. Чем и подписала себе смертный приговор. Ее последующая судьба заставила бы содрогнуться любого. Исчезли не только дома, изгороди и хозяйственные постройки, но и все население, от младенца до глубокого старца.

Однако несуразности на этом не заканчивались. Было кое-что еще более абсурдное. Оказывается, повернуть они это все успели буквально за одну ночь. Любые задокументиро-

ванные свидетельства существования деревни как таковой также канули в Лету. Лихо получается. Выходит, никогда и не было никакой деревушки с простецким названием «Потрошино», а смелый автор либо фантазер, либо сумасшедший. Где-то пару деньков назад я бы, наверное, так и подумал, но точно не сейчас.

Пробежав глазами текст, Кирилл помассировал виски и призадумался.

– Чего ты кривишься? – спросил я и постучал по столу пальцами. – Понимаю, звучит по-идиотски, но...

– Дело не в статье, хотя звучит и впрямь ненормально. Меня заинтересовало имя автора.

– Имя автора? Хм, интересно.

– Да, где-то я его уже слышал. Максим Громов... Громов...

– Ну, ну, вспоминай. Потом расскажу, где я видел этого человека. Точно не поверишь!

– Японский городской! Конечно! Во времена моей студенческой юности Громов был живой легендой журналистики. Масса первоклассных статей. Громкие журналистские расследования.

– Ясно, но я тоже опознал его... по фото. И теперь держись за стул, брат. Под гипнозом я видел твою легенду в своем доме. Он знал моего отца.

– Не может быть, – насторожился Кирилл.

– Я же говорил, что не поверишь. Хотя в моей голове вся

эта история тоже не особо-то укладывается. Громов мог бы многое прояснить. Сможешь найти его?

– Думаю, да. Конечно, при условии, что он еще жив.

– Ну, это понятно.

– О нем уже давно ничего не слышно. Скорее всего, перешел дорогу какому-то толстосуму. И хорошо, если только карьеры лишился.

– Не нагоняй страху раньше времени. Выясни, что к чему, а дальше видно будет.

– Добро.

Устало потягиваясь и зевая, я вынул телефон из кожаного чехла, висящего на поясе. Сенсорный дисплей высветил 20:01 и одиннадцать непринятых вызовов от моей горе-невесты. Зная о ее нездоровой привычке наяривать каждые двадцать минут, я еще по дороге в кафе установил беззвучный режим. Тем более что утреннего разговора с ней мне хватило выше крыши.

Как пацан оправдывался: «Где был? Что делал? Почему не предупредил?» Хотя сам виноват, нечего было изначально девчонке голову морочить. Ну, погулял, повстречался и «адьос сеньорита». Так нет же, жизни красивой захотелось, определенности. Типа стерпится – слюбится. Только не все так просто оказалось. И вот итог: еще большая неопределенность, клоунада светская в печенках уже, а видеть Анжелку более двух раз в неделю сушая каторга.

Вернув мобильник на прежнее место и окидывая взгля-

дом кафе, я невольно задержался на Кристине, подпиравшей металлопластиковую дверь кухни. Переминаясь с ноги на ногу, она поднесла миниатюрные пальчики к губам и, несколько раз чмокнув их, отправила мне серию воздушных поцелуев.

Сделав вид, что знать ее не знаю, я вновь уставился на Кирилла:

– Ладно, пора мне. Ждет меня кое-кто, да и тебя тоже.

Дабы не позволить официантке увязаться за нами, мы дождались, пока она отлучилась на кухню, и пулей выскочили из кафе.

– Как пробьешь что-нибудь, звони! – залезая в машину, бросил я.

– Непременно! Привет Анжеле!

Если бы Кирилл узнал, что тороплюсь я не к Анжеле, жутко бы разочаровался. Да и что я, мазохист, что ли: позволить ему лишний раз обрушить мне на голову лавину нравоучений о целомудрии, браке и о моей загнивающей душе, которой место только в аду? Ответ очевиден. Поэтому я умолчал, куда тороплюсь. А тороплюсь я к докторше. Моей докторше!

## Глава 4

### Подзабытое детство кошмарное

Было уже за полночь, когда наши силы наконец иссякли. Отринув друг от друга, мы еще минут десять лежали на полу, не в состоянии пошевелиться. От холодных бетонных плит, покрытых линолеумом, нас оберегал серый шерстяной ковролин. Ковролин ковролином, но чтобы полностью исключить вероятность застудить себе чего-нибудь, я на четвереньках подполз к дивану, собрался с силами и со второй попытки вскарабкался на него. Натали последовала моему примеру.

Почему на полу? Хороший вопрос. Только не по адресу. Инициативу проявила докторша. А на мой риторический вопрос: «Что мы там забыли?» – я получил еще более невразумительный ответ: «Узнаешь!» Но как бы там ни было, а эти бесполезные мысли недолго терзали мою голову. Перемещение на более комфортное ложе сыграло свою роль – я отключился незамедлительно.

Утром меня разбудил звук телевизора, а распахнуть веки помог аромат свежеприготовленного кофе.

– Проснулся, милый? – чмокнув в щеку и вручив мне миниатюрную чашку с таким же блюдцем, спросила Натали. – Ты так сладко спал. Кошмары отступили? Наверное, снилось

что-то хорошее?

– Нет, вообще ничего не снилось. Будто во тьму провалился.

– Все равно неплохо. Положительные сдвиги налицо, хотя нам и рановато еще пить шампусик.

– «Пить шампусик»? – скривился я. – И где ты только поднабралась этих фразочек?

– У своих клиентов. А что, не очень, да?

Ухмыляясь, я отхлебнул кофе сразу на треть чашки, но донесшийся из динамиков тридцатидвухдюймовой плазмы писклявый мужской голос вынудил меня вернуть все обратно.

– Сделай громче! – вскрикнул я, переметнув все внимание на телевизор. – Ну?! Быстрее!

Выказывая недовольство неразборчивым бурчанием, Натали повиновалась.

«Наш мэ́р – Шакалов! Голосуйте за Шакалова!» – сопровождаясь потоком семейных и деловых фотографий кандидата, закадровое ликование не унималось.

«Что предлагает Шакалов?! Новые эффективные программы по улучшению жилищных условий! Безжалостную борьбу с коррупционерами в управлении ЖКХ и установление контроля над тарифами! Реставрацию объектов культурного наследия! Поддержку малому бизнесу! Современное оборудование в больницах и домах для престарелых! Ремонт интернатов, садиков и учебных заведений! И это лишь

малая часть того, что стремится осуществить Шакалов – человек знающий свое дело! Человек, который долгое время занимал руководящие должности не только в чиновничьих кругах, но и на промышленных предприятиях! Отдадим город в надежные руки! Наш мэр – Шакалов! Голосуйте за Шакалова!»

Благо я не видел свое лицо со стороны. Уверен, что оно изменилось до неузнаваемости. Я вдруг ощутил такую тошноту, которой не ощущал даже после самой серьезной пьянки. Зародившись где-то в районе солнечного сплетения, она, как вирус, распространилась по телу, выворачивая наизнанку все мои внутренности, орган за органом. К счастью докторши и ее фирменного пододеяльника, то, что накопилось в моем желудке днем ранее, чудом не вырвалось наружу.

На смену тошноте возникло непреодолимое желание разрядить в воздух парочку отборных матерных словечек, но, пожалев уши Натали, я процедил сквозь зубы только эти:

– Что?! Неужели он?! Сволочь!

Вслед за предвыборной заставкой на экране появилась привлекательная брюнетка лет тридцати пяти. С ее лица не сходила улыбка, демонстрирующая ровные, до блеска отбеленные зубы. Вначале я заподозрил в ней рекламщицу зубных паст или, на худой конец, гигиенических средств для женщин, однако то, с чем она обратилась к телезрителям, разнесло мои подозрения вдребезги. Ее глаза казались настолько честными и бесхитростными, что если бы я не читал

статью Громова, то искренне бы поверил всему, что она говорила:

«Журналисты меня часто спрашивают: „Почему Шакалов? Чем он лучше своих предшественников? И какие гарантии того, что, став мэром, он не исчезнет из поля нашего зрения на последующие пять лет, а все его обещания, так и не останутся лишь обещаниями?“ Так вот... Гарантии есть! Уже три года я возглавляю благотворительный фонд помощи малоимущим пенсионерам и инвалидам. Пришлось повидать многое и провести огромнейшую работу, но благодаря нашей организации оздоровились и улучшили материальное положение тысячи нуждающихся. О существовании фонда слышали многие, а вот о том, кто его создал, знают лишь единицы. Догадываетесь почему? Думаю, догадываетесь. Фонд создавался не ради пиара и хвалебных од, а для того, чтобы помочь людям. Но на сегодняшний момент этот благороднейший человек решил обнародовать свое имя, поскольку считает, что у него не должно оставаться никаких секретов от своих избирателей. И для меня большая честь, что именно мне он поручил это сделать. Да, этот человек не кто иной, как Алексей Вениаминович Шакалов... который не только обещает, но и делает! Заметьте, уже сейчас делает, еще не будучи мэром Москвы. Какие вам еще нужны гарантии?! Отдайте свой голос за Шакалова, и добрых дел прибавится!...»

По моей физиономии докторша прочитала нежелание

что-либо дальше смотреть. Выключив телевизор, она встала на колени рядом с диваном и, жалобно поглядывая, положила голову мне на колени. Помогло. Я начал успокаиваться. Опустошив чашку за несколько глотков, я приземлил ее вместе с блюдцем на пол.

– Ладно, не сердись, – сказал я, поглаживая ее волосы.

– Почему этот человек вызывает у тебя столько агрессии?

– Ах да, ты же не знаешь. Хотел еще вчера рассказать, но нам не до того было.

– О чем?

– Найди в моих джинсах листок бумаги. На нем статья об этом сердобольном филантропе. Прочти, и все поймешь.

Отыскать статью у нее получилось не сразу. Точнее, отыскать джинсы, в кармане которых она находилась. Мы вчера так торопились, что скидывали шмотки в одну кучу. Целились в кресло, а они почему-то валялись на полу возле него. Натали принялась копошиться в них, аккуратно складывая в две стопки там, где они должны были быть изначально. Приподняв над головой листок, она радостно воскликнула:

– Есть!

Ей всего ничего понадобилось, чтобы прочесть, сложить и запихнуть статью обратно.

– Ну, что скажешь? – насупился я.

– Жуть какая-то. Как вообще такое может быть?

– И мы с Кириллом задались тем же вопросом, но подожди, это еще не все. Сейчас ты снова им задашься. Помнишь,

под гипнозом я видел какого-то Максима?

Натали кивнула.

– Так вот, это он написал статью! Он – журналист Максим Громов!

– Не может быть.

– Я же говорил.

– В моей профессиональной практике встречалось всякое, но такое...

– О практике ты заговорила как нельзя кстати.

– Гипноз? Сейчас?

– Да. Хочу наконец узнать, что же там произошло.

Она не стала противиться. Велев уместиться поудобнее, расслабиться, докторша возложила ладонь мне на лоб и, считав до трех, приказала выключиться сознанию и включиться подсознанию. И оно включилось. Но однообразный голос не собирался умолкать. Он продолжал сопровождать мое подсознание, пока оно не перенеслось туда, куда требовалось.

Очутившись в другой реальности, я опять ощутил себя счастливым и беззаботным. Бегал во дворе. Играл с псом. Однако продолжалось это не долго. Услышав рев моторов, я замер от удивления, поворачивая виртуальную голову то вправо, то влево. Натали ни на йоту не ошибалась, когда говорила, что мой сон – точное отображение минувшей действительности. Та же апрельская ночь. Ясная луна. И даже запахи те же. Только события, которые передо мной развер-

нулись, оказались гораздо ужаснее того, что я видел и предполагал ранее.

– Чертовщина какая-то... – прокряхтел я.

– Что? Что ты видишь?

– Они одеты как спецназовцы. Черная форма, балаклавы.

– Кто они?

– Понятия не имею, вояки какие-то с автоматами. Они из грузовиков повылезли и теперь носятся по всему селу как угорелые, орут, стреляют.

– Куда стреляют? В кого стреляют? Неужели в людей?

– Не знаю, этого я не вижу, только слышу. Может, в воздух просто, для устрашения.

– Где ты сейчас находишься и где твои родители?

– Они рядом. Когда началась заварушка, отец быстро среагировал и повел нас на чердак. Сейчас мы лежим на соломе и в досочные щели наблюдаем за происходящим. Мать периодически прижимает меня к себе и целует в голову. Она дрожит настолько, что я слышу, как стучат ее зубы. А отец шепотом проклиняет этих вояк, но держится довольно уверенно. Он готов даже ринуться в бой, причем не с голыми руками. Рядом с ним лежит охотничья винтовка, а в правой руке он держит пистолет. И не спрашивай, откуда он взялся у отца. Я не в курсе.

– Хорошо, продолжай и...

– О, черт! Черт! Черт! – перебив, заорал я. – Сволочи!

– Что случилось?!

– Они вытащили из дома напротив мужчину и женщину. Мужчина вырвался, схватил притуленную к воротам лопату и замахнулся на одного из них. Но прогремели выстрелы, и... он рухнул на землю. Понимаешь?! Эти твари убили его!

– Тихо-тихо, дорогой мой. Представляю, каково тебе, но не забывай, что все это уже давно в прошлом. Сейчас ты лишь наблюдатель. Поэтому сделай несколько глубоких вдохов и постарайся успокоиться. Но если хочешь, мы можем прекратить.

– Нет, я справлюсь!

– Тогда соберись и рассказывай дальше.

– Отец взял у матери мобильник и кому-то звонит. Ему ответили.

– С кем он разговаривает?

– Не могу разобрать. Он говорит шепотом, да и вдобавок крики на улице, выстрелы, вой собак. Нет, не получается! – Отвлекаясь от отца, я резко повернул голову на мужские голоса, раздавшиеся из-за ворот. От удара наша калитка распахнулась с такой силой, что еле удержалась на навесах, а ворота завибрировали. Залаяв еще сильнее, пес бросился навстречу. Но прозвучал выстрел, и лай резко оборвался. Пес пару раз заскулил и затих. У меня перехватило дыхание. Прислушиваясь к каждому звуку, я еще на что-то надеялся, но безрезультатно. Признаков жизни он больше так и не подал. Решив, что не стоит посвящать Натали в последний эпизод, я сделал пару-тройку глубоких вдохов, как она меня

учила, и продолжил: – Этого еще не хватало! Вот уроды!

– Что там?

– Двое вояк зашли к нам во двор и орут, твари, чтобы мы не сопротивлялись и выходили по-хорошему. Но, не дождав-шись ответа, вломились в дом. Погремели там, поорали. Ма-родеры! Потом обыскали все вокруг дома, даже в сливную яму заглядывали, и теперь вот на чердак нацелились. Когда мы на него забрались, отец откинул лестницу в сторону. Да только их это не остановило. Гады не поленились вернуть ее в вертикальное положение. Отец велел нам не двигаться и...

Мое сердце бешено заколотилось в обеих реальностях. С раздирающим скрипом дверца чердака распахнулась, и в дверной проем просунулась рука, державшая фонарик, а следом и голова в черной маске, издававшая недовольное по-станывание и ругань. Схватив бандита за рукав, отец мол-ниеносно втянул его внутрь. Автомат Калашникова отлетел в сторону, а его хозяин, получив пистолетной рукояткой по темени, прокряхтел и рухнул на солому. Но через несколь-ко секунд вновь зашевелился. Это была его роковая ошиб-ка. Отец обхватил шею бандита сзади и, резко повернувшись ко мне, скомандовал: «Никитка, отвернись!» Я отвернулся и услышал хруст.

– И что потом?

– Один из вояк проник на чердак, и отец свернул ему шею.

– Он свернул ему шею? – удивленно протянула она.

– Думаю, да, ведь теперь вояка лежит смирененько.

– Какой кошмар, ты еще и иронизируешь?!

– А то, что они творят, не кошмар?!

– Может, ты и прав. Прости, что перебила. Продолжай.

– Второй заподозрил что-то неладное, но помощь звать не стал. На собственные силы понадеялся. И зря. Стоило ему сунуться на чердак, как с ним произошло то же самое, что и с первым.

– Отец и ему свернул шею?

– И ему.

– Понятно... и что дальше? Ведь на чердаке теперь небезопасно, да и было ли?

– Отец решил выбираться из деревни. Даже план отхода разработал, который мы поддержали. Мать ни на секунду не засомневалась в целесообразности его замыслов, пообещав беспрекословно выполнять все указания. Я тоже пообещал слушаться и даже вызвался помочь, но мою помощь решительно отклонили. После того как отец переделся в форму вояки, мы спустились с чердака, вышли за ворота и простились с убитым псом, на которого чуть не наступили при выходе. Мать расплакалась, глаза мне ладошкой закрывала, чтобы я не смотрел на него, но разгневанное ворчание отца убедило ее взять себя в руки.

– Пса? Они убили вашего пса?

– Да, – приглушенно выдавил я, поняв, что облажался. Однако, к моему успокоению, Натали держалась молодцом. Ее больше волновало другое:

– Там же кругом бандиты, куда вы направляетесь?

– В лес, до которого, как сказал отец, рукой подать. Он надеется, что мы сможем там укрыться. Наставив на мать автомат, он ведет нас как под конвоем, и, похоже, это работает. На нас даже внимания никто не обращает.

– И ты видишь лес?

– Да. Хотя я сомневаюсь, что нам удастся прорваться. В конце улицы вояки выставили подобие блокпоста. Перегородили дорогу двумя «Нивами» и трех охранников приставили. В голове не укладывается, – что здесь вообще происходит?! Неужели весь сыр-бор только из-за этой несчастной земли?! – делая паузу, сам не знаю, каких пояснений я ждал от Натали, ведь ей известно не больше моего. Правильно сделала, что промолчала.

– Вокруг творится какое-то сумасшествие! Крики, вопли, женский и детский плач! Выстрелы, попеременно раздающиеся со всех сторон деревни!

– Никита, успокойся.

– Они с людьми обращаются, как со скотиной, которую ведут на бойню! Растерявшихся в этой суматохе и не понимающих, что от них хотят, – избивают, а непокорных истребляют!

– Прошу тебя, хватит. Или прекращаем...

– Все-все, я в норме! – Сделав несколько глубоких вдохов, я продолжил чуть ли не шепотом: – Людей строят группами в две шеренги. По двадцать человек. Приказывают им

чего-то ждать и не делать глупостей. Пока неясно, что с ними собираются предпринять дальше, как и с трупами, которые в грузовик штабелями складывают.

Ума не приложу, для чего я посвящал докторшу во все детали. Наверное, моральный аспект для меня уже утратил какое-либо значение. Да и смысл от нее скрывать-то? К тому же психотерапевт она или кто?! Ее нервы должны быть покрепче моих, так что пусть терпит!

– Много погибших? – жалобно протянула она.

– На моих глазах пятерых убили. Трое мужчин, две женщины. Бабы-то какое им могли оказать сопротивление, а? Бугаям этим? Да этих нелюдей сперва кастрировать надо, а после четвертовать!

– Боже, боже... какой кошмар.

– Так, мы к посту подошли. Приказным тоном отец пробухтел нам в спины: «Будьте внимательны. Как крикну «бежать», вы со всех ног мчитесь в лес, не оборачиваясь и не останавливаясь ни при каких обстоятельствах. Даже если со мной что-нибудь случится. Уяснили?» Странно, но в течение всего этого кошмара я ни разу не заплакал. Наверное, толком не осознавал, что в действительности происходит?

– Не только. Тебе же тогда было всего-навсего десять лет. Не каждый взрослый способен пережить такое, не то что ребенок. Я думаю, ты находился в шоковом состоянии и чем дальше, тем сильнее в него погружался. Но об этом потом, ладно?

Никак не отреагировав, я вернулся к событиям в деревне.

Соблюдая дистанцию около метра, «Нивы» выставили так, что их бамперы смотрели друг на друга. Заприметив нас еще метрах в пятидесяти, вояки рассредоточились. Их комбинация являлась довольно незамысловатой. Двое облокотились на капот, третий стал в проходе между ними.

Отец велел остановиться и, обогнув нас, уверенно направился к блокпосту.

Тот, что в проходе, взял отца на мушку и прокричал:

– Стоять! Куда собрался?!

– Тихо-тихо, я же свой! У меня к вам поручение! Вы вообще рацию включаете?! Вас уже полчаса дозываются! – замедлив ход, во все горло заорал отец. – Вот меня и прислали проверить, все ли у вас в порядке! Я, конечно, могу повернуть назад и доложить, что вы меня отшили, но тогда, ребятки, пеняйте на себя!

Продолжая идти, он приподнял над головой автомат.

– А их зачем сюда притащил?!

– Вам на замену, ребятки! – Отец громко и фальшиво рассмеялся. – Из-за вас не успел отвести куда надо, вот теперь и приходится таскаться с ними!

Вояка опустил оружие, а двое других вышли из укрытия. Лихо их отец развел. В армии за такую тупость им как минимум светила бы гауптвахта. А здесь – смерть! Заслуженная смерть!

Мать сжала мою кисть и, перекрестившись, что-то про-

бурчала.

– Началось! – заявил я.

– Что?

Первый, тот, который в проходе, получив прикладом по физиономии, отлетел назад, сбивая с ног второго. Отец начал стрелять. От серии пуль голова третьего превратилась в месиво, забрызгав кровью лобовое стекло машины, ранее его оберегавшей.

Второй выбрался из-под первого и, оставаясь в лежачем положении, поднял автомат и нажал на спусковой крючок. Но не умолкающий «калаш» отца настиг его быстрее. Грудь защитил бронежилет, а вот горло неизлечимо пострадало. Захлебываясь кровью, он продолжал жать на крючок, расстреливая воздух. Перед тем как рожок лишился последнего патрона, автоматная очередь поразила лампочку на фонарном столбе, неплохо освещавшую блокпост и конец улицы. Нам это было только на руку.

– Ты так и не ответил. Что началось?

– Ну, в общем, отец всех вырубил.

– Всех троих?!

– Да!

– Как?

– Да какая разница, вырубил, и все!

– Ладно, и что же дальше?

– Отец крикнул: «Бежать!» И мы рванули! Но воякам хватило несколько секунд, чтобы сообразить, что к чему, и бро-

ситься вдогонку. Оравой целой! Человек десять точно будет. В их шайке сразу же отыскалась пара недоумков, которым жуть как не терпелось пострелять в нашу сторону. И свое желание они удовлетворили в полной мере, – пули засвистели. Причем одна из них просвистела прямо возле моего уха.

– Ужас.

– Отец занял оборону за одной из машин и начал отстреливаться, а мы оставили позади блокпост и до самого леса слышали, как он кричал. Хотя «кричал» – это еще слабо сказано. Скорее вопил. Причем с такой силой, что даже на фоне горляющих бандитов и грохочущих автоматов каждое его слово отчетливо распознавалось. Раз за разом отец прокручивал одни и те же фразы: «Родные мои! Не останавливайтесь! Не оглядывайтесь! Бегите! Бегите! Бегите!» О, нет... твари... как так?! Мы же почти уже добрались...

В виртуальной реальности я разрыдался, а в настоящей, сквозь гипнотический сон, почувствовал, как из правого глаза покатилась слеза, проложив себе дорожку к уху.

– Что-то случилось с отцом?

– Нет, с матерью. Хотя и отцу, само собой, не жить.

Забежав в лес, мама резко остановилась, а я по инерции сделал еще несколько шагов. Примерно шесть-семь. И где-то столько же мне понадобилось, чтобы подойти к ней. Ее тело лихорадило, а одышка сопровождалась стонами и громкими хрипами. Выпрямившись, насколько это представлялось возможным, она попыталась выдать из себя какие-то сло-

ва, но смогла лишь прокашляться.

То ли от осознания своего бессилия, то ли от приближения чего-то зловещего, я испуганно застыл на месте. Полумрак не позволял разглядеть ее лицо и уж тем более проявляемые им эмоции, но это было и необязательно. Я и так чувствовал ее боль, страх. Всем своим нутром чувствовал.

Потеряв равновесие, мать оперлась ладонью на мое плечо и приподняла голову. Устремляя взор на звезды, она сначала повалилась на колени, а затем упала на бок и замерла. Присев рядом, я потормошил ее за руку, взхлеб произнося: «Мама, что случилось?! Мама, вставай!» – но в ответ получил лишь молчание. Она больше не двигалась. И не дышала.

– Они убили ее?

Заливаясь слезами, я наклонился к матери и обнял, уткнувшись лицом в плечо. Но, проведя ладошкой по ее спине, сразу же отпрянул. Ветровка была пропитана теплой вязкой жидкостью. Не сомневаюсь, что даже тогда, будучи еще десятилетним ребенком, я без труда догадался, что к чему.

– Убили.

– Боже мой, как мне жаль... милый.

– Да, мне тоже.

– Как она погибла?

– Ранение в спину, – собравшись с мыслями, вымолвил я. – А была ли это одна шальная пуля или несколько, не знаю. Знаю лишь, что и отца больше нет среди живых.

– Как ты это узнал?

– Бандиты к лесу приближаются. Фонариками светят. Глотки рвут. Если бы отец был жив, то вряд ли бы им это позволил. Хотя он и так долго их сдерживал.

– Да, твой отец настоящий герой.

– Знаю.

– Как ты? В состоянии дальше продолжать?

– А, собственно, и продолжать-то нечего. Дальше я побежал куда глаза глядят. Благо мать одела меня тепло, да и в карманах куртки кое-какой провиант оказался. Яблоко и жменя барбарисок. После случившегося меня уже не пугали ни шатающиеся деревья, ни звуки животных, ни даже одиночество и темень, я просто брел. Брел не останавливаясь. А к утру вышел на шоссе и уже никуда с него не сворачивал. Добрые люди, встречавшиеся на пути, подкармливали меня, рублем выручали. Но куда я шел? Зачем? Понятия не имею. Просто шел, и все. Итог ты знаешь: я очутился в столице.

– После такого еще и целую ночь в лесу провел... сам... такой маленький...

– Да, как-то пережил... самую ужасную ночь в своей жизни.

Ну и каким теперь будет заключение моего психотерапевта? Что во мне тогда что-то надломилось? Что схемы какие-то перемкнуло или шестеренки с винтиками полетели, отвечающие за нормальное функционирование определенных участков мозга, в том числе и памяти?

На счет три докторша вывела меня из гипнотического со-

стояния.

Открыв глаза, я вскочил с дивана и схватил со столика свой мобильный. Перекидывая его из одной руки в другую, я метался по комнате и выкрикивал матерные слова, приходившие мне на ум. Сказать, что я был не в себе от бешенства, – это все равно что ничего не сказать. Если бы в эту минуту в мои руки попался кто-нибудь из виновников той трагедии, я бы разорвал его на куски. На множество крохотных кусочков!

Сообразив, что телефон мне ни к чему, я с силой швырнул его на диван. Тот отпружинил, потерял в воздухе крышку и, упав на ковролин, лишился и батареи. Поглядывая на меня с опаской, Натали подошла к нему и молча собрала воедино. Ее перепуганное личико меня зацепило. Пришлось пересмотреть свои варварские замашки, взять себя в руки и немного успокоиться.

– Извини, нервы, – присев на пол рядом с ней, я прислонился спиной к дивану.

Она моментально расцвела и прижалась ко мне так, будто мы с ней видимся в последний раз.

– Ты не виноват. Такой кошмар никто бы не воспринял спокойно. Меня вон до сих пор колотит.

– Жизнь свою положу, но за отца, за мать и за людей ни в чем не повинных им отплачу сполна! Верить?!

– Конечно. Только меня со счетов не скидывай, ладно? Я тоже хочу, чтобы эти звери понесли заслуженное наказание.

- Посмотрим.
- С чего начнешь?
- Найду Громова!

# Глава 5

## Важный гость

Три дня, не переставая, сыпался снег, создавая уйму неприятностей водителям, вынужденным по той или иной причине выбираться на московские дороги. Отчаянные люди! Не страшась суровых морозов, сдувающих вьюг и непроходимых сугробищ, они в очередной раз доказали, что восточные славяне самые стойкие на планете. У меня и в мыслях не было кому-то что-то доказывать, но испытать всю прелесть сегодняшних заторов и аварийных ситуаций все-таки пришлось.

Нет чтобы нежиться под силиконовым одеялом докторши, попивая горячий кофе из миниатюрной чашки, но я поддался на уговоры Анжелы, потащившись через весь город к владениям ее папаша. Владения размещались на территории той самой пресловутой Рублевки, являвшейся своеобразным раем для сильных мира сего и пределом несбыточных мечтаний множества рядовых россиян. Что ж, понимаю. Элитные поселки, усеянные комфортабельными особняками с почти идеально отлаженной инфраструктурой, тишина, красивая природа и более-менее чистый воздух. Чего еще желать-то душе русской?

Причиной немедленных сборов послужил званый ужин.

Папаша каких-то государственных шишек в своих хоробах принимает, вот меня и пригласил в качестве будущего зятя. Да только гости запаздывали. Уже битых два часа я маялся в комнате Анжелы, листая светские журналы и выслушивая ее бредни. Несколько раз даже порывался уйти, но, подойдя к двери ее комнаты, почему-то передумывал.

Ответив на мое безразличие якобы подобным безразличием, Анжела сбросила с себя халат и, оставшись в одном нижнем белье, забралась под одеяло. Видимо, до гостей ей не было никакого дела так же, как и мне. Но провокация не сработала. Я даже бровью не повел, продолжая сидеть в кресле и изучать фотографии на глянцевых страницах. Искоса поглядывая в мою сторону, она включила телевизор. На экране отобразилось то, что вызывало у меня рвотный рефлекс, но уже не удивляло:

«— Ой, знаете... он просто посланник небес, спаситель наш! Мы Господу молимся, чтобы у него все было хорошо и со здоровьем, и в семье, и в том, что он делает! Кто нам еще, старухам-то, поможет?! Кто защитит?! Ведь с нашей бюрократией ничего не добьешься! Только и могут, что гонять из одной конторы в другую, от чиновника к чиновнику! А Алексею Вениаминовичу не все равно! Ему всегда есть дело и до пенсионеров, и до молодежи! С каким бы вопросом ни обратились – всегда выслушает, всегда поможет! Золотой человек! Вы же слышали, скольким детским домам он помог?! А больницам?! Вот буквально вчера пожертвовал

деньги на новое оборудование в онкологическую поликлинику! – волнительно восклицала в микрофон худенькая старушка. К груди она прижимала плакат, на котором черными жирными буквами на красном фоне выделялась надпись: «Нет произволу!!! Новый мэ́р – новая Москва!!!» Старушка несколько раз возвысила его над головой, прокричав лозунг. Вернувшись к телерепортеру, она поблагодарила его за уделенное ей внимание, но напоследок решила прихватить еще секунд десять эфирного времени. – Дорогой наш Алексей Вениаминович, помните, что мы верим в вас! Вы – наша надежда! Мы с вами до конца!

– Что ж, мне остается только пожелать вам и вашему кандидату удачи, – закончив с пенсионеркой, репортер обратился к телезрителям: – Это уже вторая акция митингующих горожан, поддерживающих лидера партии «Новый путь» Алексея Шакалова. Напомню, что недавно в СМИ он заявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру на пост мэра столицы. В самом центре событий на Красной площади для вас вел репортаж Арсений Вишне́вский. До встречи на первом канале!»

Сюжет закончился съемками с высоты птичьего полета. Около тысячи человек, махая руками и теребя транспаранты, организованно скандировали: «Шакалов! Шакалов! Шакалов!»

– Переключи этот бред! – гаркнул я. – Пожалей мои уши!  
– Ты всегда кричишь на меня. Разве нельзя нормально по-

просить? – кляцнув на музыкальный канал, слезливо промолвила Анжела. Она стянула с себя белье, игриво разбросав в разные стороны. Честно сказать, вообще как-то не зацепило, хотя было такое впервые. Может, докторша зельем каким опоила? Не исключено. Однако факт на лицо: оставаться здесь хотелось все меньше и меньше. Анжела, как кошка, сползла с огромной кровати и на-четвереньках направилась ко мне. Издавая звуки, напоминающие мяуканье, и всячески изгибаясь, она вскарабкалась ко мне на колени, расстегнула верх рубашки, запихнула под нее руку и, царапая мою грудь, проурчала: – Прошу, не обижай меня больше. Я же люблю тебя, милый мой. Очень сильно. Очень, очень, очень...

– Да знаю, знаю! Ты лучше ответь, сколько мы еще этого фраера ждать будем?!

– Любимый, я же уже говорила, что на часок-полтора задержится. А прошло только минут сорок, – пробурчала она, сделав губы бантиком.

– Ё-моё, Анжела! Ты можешь обращаться ко мне просто по имени?! По и-ме-ни! Без всех этих телячьих нежностей!

– Ну ты и грубиян!

– Сколько раз я уже просил тебя об этом?!

– Я же просто... Ладно, черствый какой, будь по-твоему. Только не кипятись. – Она обвила руками мою шею и поцеловала в губы. – Лучше отнеси меня на кроватку. Времени у нас еще хватает.

От нежелательных объяснений и девичьих рыданий меня

спас некто постучавшийся в дверь. Мы встрепенулись. Не удовлетворившись абсолютным молчанием, этот некто подергал за ручку и выдал себя голосом:

– Медвежонок! От кого вы там закрываетесь?! А ну-ка, быстренько спускайтесь вниз! Алексей Вениаминович уже на подходе!

– Хорошо, папочка! Сейчас только приставку выключу и спустимся!

– Жду в гостиной!

– Приставку? – ухмыльнулся я.

– Не посвящать же его в то, чем мы тут на самом деле занимаемся? Тем более папенька уверен, что я берегу себя для будущего мужа.

– Не понял.

– Он уверен, что я еще девственница.

– Чего?! Да мы же уже полтора года встречаемся. Тебе вон через месяц двадцать один стукнет. А о сомнительных девичниках и тусовках в ночных клубах, на которых ты с пятнадцати лет зажигаешь, вообще молчу. И он реально считает, что ты... – Я вытаращил на нее глаза, а она сделала вид, что засмушалась. – Да уж, как я погляжу, вы тут все с приветом!

– Анжела!!! – пискляво заорал отец.

Неспешно застегивая пуговицы, я отреагировал хладнокровно, чего никак нельзя было сказать об Анжеле. Наблюдая за ней, я вспомнил, как у меня начиналось каждое новое

утро на первом месяце службы в десантуре. Под сержантский крик, нагло врывающийся в твои сновидения, ты вскакиваешь с постели как ошпаренный и пытаешься успеть за сорок пять секунд натянуть на себя форму и берцы. Анжела выполнила норматив! Она пулей надела белье, подкрасилась, причесалась и принарядилась в длинное обтягивающее платье.

И почему-то только сейчас, именно в этот самый момент, когда Анжела выключила телевизор, я несколько раз прокрутил в голове слова ее папеньки. Неужели – он? Оставляя правую половину рубашки не заправленной, я на мгновение застыл на месте, уперев взгляд в потухший экран.

– Что с тобой? – взволнованно спросила она. – Если мы не поторопимся, папенька меня убьет.

– Да погоди ты! Папенька, папенька! Мой мозг и так уже закипает! Мне не послышалось?! Папаша сказал: Алексей Вениаминович?!

– Ну да. Кстати, очень уважаемый человек. Это о нем по телику говорят не переставая. Возможно, скоро он станет нашим мэром.

– Шакалов?!

– Да. Я хотела тебе сразу сказать, но ты был таким злокой, что...

– Собственной персоной?!

– Ага! И у нас в гостях, представляешь?!

– Просто на седьмом небе от счастья! – заправив рубашку,

выпалил я. – Ну уж нет, я с этой гнидой ручкаться не собираюсь! Сваливать надо! Точно! Сваливать из вашего притона! И чем быстрее, тем лучше!

– Как это сваливать?

– Обыкновенно! Ножками, ножками!

– Ангела! Нервов на вас не хватает!!! – еще громче завопил отец. – Раньше времени в могилу загоните! Лучше не заставляйте меня второй раз подниматься, а то я устрою вам игры!

– Уже выходим, папенька! – расстроено уведомила она, открывая дверь.

Первым по лестнице спускался я, а Ангела тащилась сзади, ухватившись за мою руку. Ее маленький ротик издавал жалобное постанывание, а изображающие полное непонимание глазки поблескивали от наворачивающихся слез.

С явным запаздыванием и спотыкаясь в пути, на истерический крик хозяина дома прибежал дворецкий. Он испуганно оглядел своего работодателя и, заикаясь, обратился:

– П-п-петр Иннокентьевич. Вам н-н-нужна п-п-по-мощь? п-п-прикажете мне сходить п-п-позвать Анжелу П-п-петровну?..

– Да не п-п-пошел бы ты к черту, бестолочь! Сам уже справился!

Дворецкий проследил траекторию его взгляда, медленно поворачивая голову в сторону лестницы и, увидев нас, слегка осунулся, побледнел и умчался в том же направлении, откуда

появился.

Не успели мы спуститься, как папаша поставил нас в известность, что минуту назад, по заранее обговоренным инструкциям, охранники запустили машину будущего мэра. Но это было лишь вступлением. Далее последовала целая лекция о том, как нужно себя вести в обществе distinguished Алексея Вениаминовича, от которого якобы зависит наше с Анжелой будущее. Однако, увлекшись наставлениями, он даже не заметил, когда дворецкий пригласил важных господ в дом.

Не выдержав чересчур длинного приветствия мажордома, Шакалов прошел в холл:

– Мир твоей берлоге, Иннокентьевич! Где же твое хвалебное гостеприимство, а, старый лис?! А-я-яй, даже встретить не удосужился!

Если непредвзято рассматривать внешность Шакалова, то ее трудно было назвать отвратной. Скорее наоборот. В свои пятьдесят три – папаша не забыл упомянуть и об этом – он выглядел максимум на сорок. Среднее телосложение, стройная осанка, широкие плечи, слегка выпирающий живот, располагающая улыбка, большие глаза с уверенным приветливым взглядом, зачесанные набок волнистые темно-русые волосы. В общем, по внешнему облику он был больше похож на ангела света, чем тьмы.

Шакалова сопровождали двое. Судя по всему, телохранители. Один из них был лысым, но парикмахерская непри-

частна – природа постаралась, и просто огромным. При росте около двух метров он весил не менее полутора центнеров, напоминая телесами и заплывшими жиром раскосыми глазами японских борцов сумо. Второй примерно такой же комплекции, как я. Ростом под сто девяносто, с хорошо развитыми мышцами. Левая половина его лица покрыта множественными шрамами, но особенно выделялся один. Самый длинный и глубокий из них. Начинаясь от нижнего века, тот спускался по щеке на шею, скрываясь под воротником рубашки.

– Ой, простите! Простите нас, Алексей Вениаминович! Не понимаю, как такое могло случиться! Мы же ведь ждали вас... Да если бы я знал, что вы уже заходите, то... – Положа правую руку на грудь, а левой вяло жестикулируя, папаша говорил настолько подавленным голосом, что, казалось, еще немного, и он расплачется. – Это все дворецкий наш! Сплошное наказание! Хотя бы знак какой-нибудь подал, растяпа! – Он с презрением покосился на дворецкого и, отпустив тому оплеуху, завизжал: – Сгинь с глаз моих! Бездарь! Еще что-нибудь подобное выкинешь, выгоню к чертовой матери!

– Ох, как я тебя понимаю, Иннокентьевич! Хороших исполнителей сейчас днем с огнем не сыщешь. Одни балбесы вокруг! Мало своих дел, так еще и их воспитанием приходится заниматься. Ох и намаялся же я с ними. Ох намаялся. – Пожав папаше руку, Шакалов крепко обнял его и по-

хлопал по спине.

– Еще раз приношу свои глубочайшие извинения, Алексей Вениаминович. И хочу представить вам свое самое ценное сокровище. Мою дочь Анжелу.

– Да, и впрямь сокровище. Дочурка у тебя, Иннокентьевич, просто красавица. Хороша, очень хороша! – заявил тот, окинув ее похотливым взглядом.

Меня чуть не вывернуло. Еле удержался, чтобы не вцепиться ему в глотку.

Шакалов поцеловал руку Анжелы и, дождавшись от нее улыбки, посмотрел на меня:

– А это кто?

– А это ее жених Никита Богданцев. Весьма перспективный молодой человек.

Я не стал протягивать руку и осыпать его подхалимскими приветствиями, хотя папашины глаза, чуть не вылезавшие из орбит, и шевелящиеся губы приказывали мне это сделать. Такое поведение для Шакалова было настолько непривычным, что он даже растерялся. Но растерянность на лице отображалась недолго, сменившись недоумением, а затем возмущением и брезгливостью.

– Ну а где же твоя обворожительная женушка, Иннокентьевич? Фотки фотками, но хотелось бы и живую ею полюбоваться. Признавайся, прячешь от меня?

– Что вы, Алексей Вениаминович, Екатерина Сергеевна сейчас на Неделе моды в Париже.

– Им там что, медом намазано? Моя, вон, тоже туда ука-  
тила, на Неделю эту. Прямо помешались на...

– Каково это? – смотря в глаза Шакалову, перебил я.

– Что каково? Я не совсем понял твой вопрос, сынок. Как там тебя... кажись, Никита, да?

– Ага, он самый. Я спрашиваю, каково это – на соотече-  
ственников своих паразитировать? Крохи последние у них  
отбирать. Ведь в ваших руках и так все природные ресурсы,  
промышленность, средства массовой информации, образо-  
вание, медицина и... А хотя зачем я перечисляю? Все в ва-  
ших руках! Все, что ни возьми!

– Сынок, ты, часом, не заболел?

В ходе беседы мы выстроились в кольцо. Шакалов напро-  
тив меня, Анжела справа, папаша слева. Если бы к нашему  
кругу присоединилась и охрана, то смело можно было бы  
браться за руки и водить хоровод. Но кому-кому, а Анжеле  
точно было не до хороводов. Сообразив, к чему я веду, она  
приподняла брови, поджала губы и помотала головой, умо-  
ля меня остановиться.

Извини, Анжела, но нет. Никак. Даже ради тебя.

Чтобы сдержать дрожь в руках, я сжал их в кулаки до трес-  
ка костей, но та проявила себя и в ногах. Пришлось напрячь  
и их.

– Вы превратили людей в рабов. Рабов системы, которую  
сами же, господа депутаты, и создали. И, казалось бы, не та-  
кая уж и мудреная она на самом деле, но пипл зачастую не

просекает. Пипл хавает. И верит вашим лживым телеканалам.

– Конечно, а как иначе-то? Верил, верит и будет верить. И это просто замечательно!

– Еще бы! Пока мозги людей забиты всяким хламом, вы легко ими манипулируете, эксплуатируете их и обдираете до нитки!

– Ха-ха-ха!.. Молодец, посмешил старика. Я погляжу, ты парень смышленный. Хотя и дерзкий! Речи твои пламенные, безусловно, пришлись бы по душе люду рабоче-крестьянскому, но не более. Они их перед каждыми выборами слышат, и что? Что-то изменилось в их рабской жизни? – Он показал пальцами ноль. – А все потому, что они, как овцы, следуют за поводырем, которого к ним приставили. Ты понял?! Не они выбирают, а им выбирают. Овцы не могут выбирать своего поводыря – это нонсенс.

– Люди – не овцы!

– Овцы! Еще и какие! Думаешь, им нужна твоя правда?! Да хрена с два! Шоу им безмозглые нужны, сериалы, с кровью и развратом, наркота, бухло да телефоны последних моделей, ну и такие вот успокаивающие речи! Они не хотят думать! Они хотят, чтобы думали за них! Вот мы и думаем! Только кое в чем ты просчитался, сынок, – депутаты не всемогущи. Мы такие же рабы системы, как и все остальные, только с большими привилегиями. Но без системы, которую ты так ругаешь, в мире творился бы жуткий хаос и беспре-

дел.

– А он и творится! Вы его творите!

– Да как ты смеешь, неблагодарный! Я же тебя из дерьма вытащил! Человеком сделал! Доченьку свою единственную доверил! А ты!.. – завопил папаша.

– А я и был человеком, только вам этого не понять. Не спорю, вы помогли мне поначалу, но на мне же потом и заработали в десятки раз больше. Так что теперь мы в расчете.

– Пошел вон из моего дома, щенок! Оборванец! Приютил его, обогрел, а он мне такое высказывает! Ну, ничего, ты меня еще попомнишь! – Его голова, державшаяся на тоненькой шее, дергалась в разные стороны с такой силой, что, казалось, отвалится в любую секунду, а губы лихорадочно тряслись, непроизвольно оплевывая все вокруг. – Я тебе кислород перекрою! Ни один журнал больше твою уродливую морду не примет! Ты ко мне еще на коленях приползешь, таракан трущобный!

Шакалов ехидно посмеивался. Он и предположить не мог, что вместо скучного застолья его ждет уморительный спектакль, на который ему не только времени потраченного жалеть не будет, но и, возможно, кругленькой суммы денег.

– Не надо, папочка! Прошу тебя! – прослезилась Анжела.

– Прекрати! И ступай в свою комнату!

– А как же Никита? Я же люблю его.

– Можешь выметаться вместе с ним, но тогда ты мне больше не дочь!

– Папа, ты что?

– И можешь навсегда забыть о наследстве и красивой жизни! Так кто тебе роднее?! Я или этот?! – Папаша указал на меня пальцем. – Выбирай!

Разрыдавшись, она прикрыла ладошками лицо и стала подниматься по лестнице.

– Иннокентьевич, остынь. Девочка-то здесь при чем? – произнес Шакалов.

– Ох, Алексей Вениаминович, дорогой наш. Простите за все, что происходит в этих стенах. Это просто сумасшествие какое-то, – промямлил тот, а после переключился на меня: – Не понял... ты до сих пор еще здесь? Пошел вон!

– Не торопись, дружище. Может, у него еще какие-нибудь каверзные вопросы ко мне имеются. Ну так как, имеются, защитник всех убогих?

– Вам и ночи не хватит, чтобы на них ответить, – заявил я.

Мой внутренний голос перестал бы себя уважать, если бы не влез со своими советами: «Не сейчас, Никитос. Не сейчас. Лучше промолчи. Не будь дураком. Все равно это ничего не изменит. А заикнись только, сам знаешь о чем, и все – в живых они тебя уже не оставят».

– Даже так? Ладно, давай тогда самые наболевшие.

– Как насчет вашей загородной виллы? – Я заглушил в себе предостерегающее жужжание, решив: «А будь что будет!»

– Виллы в Италии, Испании, Франции, а у нас какие могут быть виллы? Так, скромные хатки, домики, коттеджики. За

городом у меня их три. Какой из них-то?

– Тот, который на земле потрошинской отстроен.

– Не понял. Какой еще потрошинской... земле?..

– Да-да, господин Шакалов, все вы поняли! И все вы помните! А ну-ка забыть такое – превратить в руины целый поселок!

Внутренний голос вернулся: «Все, кранты тебе, Шерлок недоделанный!»

– Что за бред, недоумок?! Какой еще поселок?! Какие руины?!

– Ах, все-таки запомнили?! Так я напомним! Поселок – Потрошино! Руины – его же! Откуда знаю?! Из статьи Максима Громова, которая каким-то чудом сохранилась! Да, как оказалось, не все вы подчистили, сволочи!

Депутат побледнел. Послабив галстук, он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и вдохнул на полную грудь. Цвет лица вернулся, а вместе с ним проявилась и истинная сущность боготворимого тысячами москвичей, особенно старушками, Лешки Шакалова. Злобно оскалившись, он схватил меня за грудки обеими руками и с силой потряс.

– А теперь слушай сюда, молокосос! Не знаю, чего ты этим добивался, но уж точно выпросил целую кучу неприятностей на свой петушиный зад! Да ты вообще считаешь, кто перед тобой?! Я же тебя в землю живым зарою!

Не теряя времени, телохранители обступили меня с боков.

– Алексей Вениаминович, не марайте руки. Давайте мы с этим чмыреньшем разберемся, как следует, – невозмутимо протянул телохранитель, напоминающий сумоиста.

– Назад! – возразил тот истерично, но они не сдвинулись с места. – Назад, я сказал! Успеете еще! Не бойтесь, он на меня не кинется! Ха-ха-ха! Терпила походу и так в штанишки наделал!

Телохранители разразились хохотом. Следом за ними захихикал и мой бывший потенциальный тесть.

Незаметно для всех в холле появился дворецкий и, привлекая к себе внимание, объявил:

– П-п-петр Иннокентьевич, все г-г-готово к т-т-тра-пезе!

Не совсем здоровый смех вспыхнул с новой силой. Смекнув, что ответа не последует, пожилой мажордом опустил голову и побрел восвояси. В этот момент Шакалов ослабил хватку, и мне удалось вырваться.

Такое своеволие ему не понравилось. Он попытался нанести боковой удар, целясь в нижнюю челюсть, но реакция меня не подвела. В сантиметрах пяти от моего лица кулак был остановлен. Вцепившись левой рукой в его запястье, а правую подсунув ему под мышку, я провернулся, взвалив депутата на спину.

Последовал бросок.

В воздухе его ноги задели рядом стоявшую подставку с дорожкой китайской вазой. Под вопли ее владельца ваза рухнула на пол, разлетевшись вдребезги. Приземление Шакало-

ва оказалось менее трагичным, – гад жить будет. Он лишь ушиб спину, прокряхтел и схватился за поясницу.

Дилемма, возникшая в мозгах телохранителей, на мгновение сковала их конечности. Бросая взгляд то на меня, то на босса, они никак не могли определиться, кому первому уделить внимание. Я же с выбором не колебался. Из двух громил вырубил того, что помельче. Отбив мою правую руку, он незамедлительно отправился в нокаут от хука левой – иначе и быть не могло, ведь я левша.

Участь, постигшая коллегу, слегка удивила сумоиста. Взглянув на меня прищуренным взглядом, он скривил рот, уважительно кивнул и, став в стойку, атаковал. Увернувшись от двух боковых ударов кулаками, я прокурсировал мимо его внушительного брюха и зада и рванул к выходу.

– Взять его, дармоеды! – завизжал Шакалов. – Взять!

На улице стоял десятиградусный мороз, а мой торс согрелся лишь одной рубашкой. Но сдаваться я не собирался. Проорав пару скверных словечек, я запросто пересек метровую оградку, затем палисадник и двухметровый кирпичный забор. Да только бегать по улицам Барвихи мне долго не пришлось. Точнее, вообще не пришлось. За забором меня «радушно» встретили, не позволив ступить и шага.

Перед тем как погрузиться в непроглядную тьму, я ощутил сильный удар тупым предметом по затылку, услышал ликующий незнакомый голос и увидел промелькнувший свет уличного фонаря.

## Глава 6

# Завербованный

Я очнулся из-за ноющей боли в запястьях и пронизывающего холода. При каждом выдохе из моего рта вырывался пар, а прежде излучающая здоровье кожа покрылась пупырыми, приобретая синеватый оттенок. Круг малоприятных ощущений замыкался жуткой мигренью. Она с определенной цикличностью то внезапно накатывала, заставляя крепко сжимать зубы, то постепенно затихала.

Едва приподняв веки, я издал приглушенное мычание.

– Опа на, таки очухался, красавчик. А то мы уже и не надеялись, – забасил кто-то сбоку. – Хотя лучше бы ты подох. Вместо того чтобы сейчас с бабами в сауне париться, я с тобой тут парюсь. Не знаю, чем ты так не угодил Вениаминовичу, но мои руки так и свербят выпустить тебе кишки.

Сзади меня кто-то был еще, но, кроме шаркающих шагов, я от него больше ничего не слышал. Поворачивая голову в разные стороны, я не переставал постанывать. Перед глазами все расплывалось, но сформировать общую картину большого труда не составило. Подобные места мне приходилось видеть и раньше. Одно из таких даже находилось в моей частной собственности.

Бетонный пол, кирпичные стены, металлические ворота,

покрашенные в темно-вишневый цвет, досочный потолок с подвешенной лампочкой, неплохо освещающей все помещение, и работающий дизельный обогреватель. Готов поручиться, что данные апартаменты предназначались для стоянки и ремонта автотранспорта и именовались не иначе, как гараж, состоящий на учете какого-нибудь захудалого кооператива.

Я попытался пошевелить затекшими ногами, но поддались только ступни и пальцы. Голени оказались примотанными скотчем к ножкам стула. С руками ребятки поступили еще жестче. Основательно затянув веревку на запястьях и воспользовавшись спинкой стула, как перегородкой между моей спиной и руками, заведенными за нее, они скотчем примотали предплечья и наполовину плечи к туловищу.

– Ха-ха-ха!.. – то ли от отчаяния, то ли от желания лишний раз досадить похитителям, я разразился нездоровым смехом.

Ругаясь матом, «болтун» встал у меня за спиной. Я почувствовал неладное, но надрываться не перестал. Наоборот, чуток даже поприбавил звук. И неладное случилось! Нога энного размера со всей силы врезалась мне в правую лопатку. Я совершил полукувырок вперед и, стукнувшись лбом, раскрыл его над правой бровью. Истерический смех перерос в задыхающееся кашлянье.

– Ты что творишь, болван?! А если бы он ласты склеил?! – откликнулся «молчун». – Шакалов бы тогда из тебя закуску

сделал для своих любимых доберманов! Предупреждали же: не трогать! Въезжаешь?! Не тро-га-ть!

– Понял, понял. Прости, братан, чего-то перемкнуло. Правда, не хотел. Просто этот слюнтяй, как спецом все делает, дразнится.

– А как бы ты себя вел на его месте?!

– Ну, я бы...

– Хотя, что тебе объяснять, ведь все равно ж не дойдет! Ладно, черт с тобой, давай его поднимем!

Болтун уверенно вцепился рукой в мою шею, а молчун приложил ладонь чуть ниже груди, и, неспешно потянув, они вернули меня в прежнее положение.

Первым моему взору предстал мужчина стройного телосложения, среднего роста, лет сорока. Сочетание зализанных назад черных волос и надменных глаз с укороченной моделью пальто, деловым костюмом, двумя золотыми кольцами на пальцах правой руки и перстнем-печаткой на безымянном пальце левой делало его похожим скорее на дона Корлеоне, чем рядового бандита, беспрекословно исполняющего все приказания.

Он внимательно осмотрел мое лицо и, указав на лоб, обратился к напарнику:

– Отлично! Глянь, что ты наделал, бычья морда!

Вторым оказался экземпляр помоложе. Невысокий, с явным переизбытком подкожного жира, скопившегося по большей части в брюшной полости. Одет он был простенько:

джинсы и потрепанная кожаная куртка. На макушке бритой головы едва держалась красная вязаная шапка, подвернутая в несколько раз.

– Одной царапиной больше, одной меньше – какая разница? Все равно мы из него скоро такое месиво сделаем, что родная мать не узнает.

– Молись, чтобы из тебя еще большее месиво не сделали! Разница-то как раз и заключается в «сейчас» и «потом»! И тебе ясно дали понять, что «потом»! Но твои куриные мозги не в состоянии отличить одно от другого! А теперь вопрос на засыпку: долго ты еще собираешься стоять как примороженный?! Шакалова дожидаясь?! Правильно! Пусть оценит твое самоуправство!

– Ты прав, брат. Что же мне теперь делать-то? – растерянно промямлил тот. – Встрял по самое не хочу.

– Да уж, разных уникамов мне пришлось повидать, но такого тормоза впервые!

Продолжив ругаться, Корлеоне быстро подошел к спортивной сумке, которая лежала на коротконогом деревянном столике, подпирающем заднюю стену гаража. Он вытянул из нее вафельное полотенце и пол-литровую бутылку минералки и снова подошел ко мне.

– Тебе помочь, брат?

– Обойдемся как-нибудь! Стой лучше и помалкивай!

Сочившаяся из лба кровь уже свернулась, но, обходя правый глаз, успела проложить сантиметровую дорожку к

шее. Корлеоне смочил полотенце и, склонившись надо мной, тщательно все вытер.

– Что тебя так рассмешило, дружище? – присев на корточки, спросил он.

– Пить... хочу пить... – прохрипел я, поглядывая на минералку.

– Да не вопрос.

Он мне, как младенцу, поднес ко рту бутылку, и я, вцепившись зубами в горлышко, залпом опустошил ее наполовину. Жажда ушла, а желудок заработал, извергнув громогласную отрыжку.

Судя по физиономии, толстяк находился в легком недомумении. Он два раза открывал рот, чтобы что-то сказать, но решил только на третий:

– Никак не догоняю, чего ты с ним сюсюкаешься? Жалость проснулась? Но какую бы он ни корчил из себя милашку, а кишки ему выпустить придется! Причем я это сделаю с огромным удовольствием!

– Слышь, пасть закрой! Или я сейчас закрою!

– Базара нет, ты старший. – Натянув шапку до бровей, он вытянул из сумки моток туалетной бумаги и отмотал с полметра. – Пойду пока проветрюсь.

– Только зад не отморозь, а то мозги ты себе уже давно отморозил! – крикнув вслед исчезнувшему за воротами напарнику, Корлеоне уставился на меня: – Теперь можем поговорить спокойно. Так с чего ты скалился?

– Во-первых, с того, что замотали как мушкетера. Хотя мне это и льстит. Во-вторых, вам, шестеркам шакаловским, нервишки подпортить.

– А почему льстит-то? – улыбнулся он.

– Если так упаковываете, значит, боитесь, твари! – заявил я и плюнул ему под ноги. – Эх, надо было в рожу!

– Тихо-тихо, друг, я тебе зла не желаю. И, думаю, ты это уже заметил. Кстати, над телом твоим не мы поглумились. Это работенка тех четверых, которые тебя сюда привезли. Нам лишь приказали явиться на место, принять груз и охранять как зеницу ока. Но теперь о главном...

– Мы, не мы – да какая разница! Вы же все из одной шайки! Шакалы Шакалова! Складно получилось, правда? Шакалы Шакалова!

– Складно, но пора бы тебе уже угомониться и спокойно меня выслушать. Времени и так в обрез. Или ты надеешься, что у пышнотелого понос? – Он положил мне руку на плечо и, смягчив тон, добавил: – Я лишь пытаюсь спасти твою жизнь.

– Ты?

– Я. Короче, слушай. У Шакалова я работаю под прикрытием.

– Ты полицейский?

– Нет, я не полицейский и не федерал. Я вообще не имею никакого отношения к каким бы то ни было государственным структурам, но об этом в другой раз.

– Кто же ты тогда?

– Мне многое о тебе известно, Никита Богданцев. В том числе и то, почему ты здесь оказался и на какие вопросы ищешь ответы.

– Да ну?

– Ага. А еще мне известно, что ты приглянулся Шакалову.

– Что?! Он что, из этих?!

– Нет, – ухмыльнулся Корлеоне. – Насколько я знаю, с ориентацией у него все в порядке, так что в этом смысле тебе нечего опасаться. Его заинтересовали твои умственные и бойцовские способности. Ты быстро соображаешь, ни перед кем не пасуешь, хорошо держишься в стрессовых ситуациях, отлично развит физически и неплохо владеешь приемами рукопашного боя. – Он провел ладонью по лоснящимся волосам и, убедившись, что все безупречно, продолжил: – Ты впечатлил Шакалова, да и не только Шакалова, тем, как ускользнул от двух его лучших профессионалов. А одного даже вырубил.

– Впечатлил? Я? Эту мразь?

– Да, еще и как.

– Что-то слабо верится. Я же из Шакала чуть весь дух не вытряс. Ты ничего не попутал? Может, взбесил?

– Конечно, взбесил, и здорово взбесил. Но впечатлил не меньше.

Дотянувшись щетинистым подбородком до оголенной ключицы, я поскреб по ней, издавая удовлетворенное крях-

тение, и, снова поймав его взгляд, спросил:

– Ну, допустим, и что? Как это поможет мне не сдохнуть?

– Шакалов предложит тебе местечко в его отморозенной службе безопасности. На него уже не раз покушались, а за свою шкуру он ох как трясется. Тем более выборы не за горами и противостояние активизируется еще сильнее. Ему нужны такие люди, как ты. И нужны как никогда. Теперь понимаешь?

– Предлагаешь в шакаловские шестерки податься?

– Типа того.

– Нет уж, спасибо! Лучше я сдохну! Но если ты и впрямь против него, то помоги выбраться. Распеленай меня, и мы вместе отсюда свалим.

– Нет, нельзя. Ты себе и представить не можешь, что поставлено на карту. Цели организации, в которой я состою, значительно важнее твоей жизни. Уж прости.

– А твоей?

– И моей. И любого другого члена нашей организации. Я потратил годы, чтобы внедриться к Шакалову и не стану рассекречивать себя из-за одного человека. Примкни к нам, и я тебе обещаю, что со временем ты сможешь вернуть должок Шакалову. А еще и поучаствовать в спасении тысяч людей, а то и миллионов.

– Тысяч? Миллионов? О чем ты?

– Еще узнаешь, если станешь одним из нас. Примкни к нам взаправду и понарошку к Шакалову, и тогда мы с то-

бой... разгромим их поганое кодро.

Дослушав самое нелепое предложение в своей жизни, я опустил глаза и призадумался.

– Так что ты решил?! – воодушевленно спросил он, легонько хлопнув меня по колену.

– Будто у меня есть выбор.

– Вот и отлично. Помереть всегда успеем.

– Но с чего ты вообще взял, что Шакалов желает видеть меня в своей свите? Как-то нелогично получается, тебе не кажется? Особенно после моих-то выходов.

– Не кажется. У нас жучки растыканы везде, где только можно. Когда Шакалов и Танк выехали из дома твоего тестя, то завели ну просто душераздирающую беседу. Догадываешься о ком?

– Кто такой Танк?

– Правая рука Шакалова. Ты с ним уже успел познакомиться, он...

– Дай угадаю. Громадный шкаф, весом не меньше...

– Угадал, но не перебивай меня. Некогда нам в угадайки забавляться. Сначала они никак не могли определиться, каким именно способом тебя уничтожить. Причем чем дальше, тем все более извращенными и мучительными они становились. А потом Танк вдруг заявил: «Да, Вениаминович, падла он, конечно, редкостная, но боец исправный. У него в крови это. Димон вон горячую точку прошел, а он с ним как с салагой последним расправился. Таких бы мне па-

ру-тройку в бригаду, и горя б не знали». На что Шакалов ответил: «Верно говоришь. Кстати, сразу он мне даже понравился. Чувствуется в нем сила, потенциал. Согласен, он бы нам пригодился. Да только уж чересчур правильный. Видите ли, за обездоленных, змееныш, переживает. Такого ты никакими бабками не заманишь. Хотя, конечно, попробовать стоит. Вот всыпем ему сполна за проделки мерзопакостные, чтоб знал, на кого рот раскрывает, и тогда попробуем».

– Откуда такая осведомленность? По идее, в то время ты уже здесь толстяка развлекал, или я чего-то недопонимаю?

Корлеоне ухмыльнулся, расстегнул молнию на верхнем боковом кармане пальто и, вытянув мобильник, помельтешил им перед моими глазами.

– Все просто – мне переслали запись. Я мог бы ее включить, но в этом нет необходимости. У меня феноменальная память.

– Заметил, – проворчал я. – Оперативно работаете.

– Да, любители к нам не попадают, но слушай дальше. Танк уточнил: «Стало быть, попробуем приобщить его к делу?» И вот что на это сказал Шакалов: «Вижу, просишь за него. Значит, малец и впрямь на вес золота. Ты еще ни разу не ошибся и настоящие таланты за километр чуешь. Поэтому да, попытаемся его завербовать, но если опять начнет гнуть свое – порешим!»

– Это я уже понял. Что дальше-то?

– Значит так, когда здесь нарисуетя Шакалов, ты...

Раздался скрип воротных петель.

Оставляя одну половину ворот настезь открытой, в гараж прошмыгнул толстяк. Запустив пальцы под шапку и почесывая затылок, он встревоженно взглянул на Корлеоне, потом на меня, потом снова на Корлеоне.

Морозный воздух стремительно наполнял помещение.

– Закрой ворота, примат пещерный! – заорал Корлеоне.

Я засмеялся, забывая на время и о пробиравшем с еще большей силой ознобе, и о тысячу раз проклятой мной удавке, впивающейся в запястья.

– Там это... с проходной позвонили. Машина Танка захала на территорию, – переминаясь с ноги на ногу, протянул толстяк.

– Наконец-то разродился, хряк беременный! И что дальше?! Под зад пинка ждешь?! Так я с радостью!

– Чего ты гонишь на меня? Мы же в одной упряжке.

– Беги встречай, тормоз!

Чрезмерно выпирающее брюхо даже не успело развернуться к выходу, как в гараж вошел Шакалов. Минуя толстяка, он торопливо подошел к Корлеоне и пожал ему руку:

– Рад видеть тебя, Давид.

– Взаимно, Алексей Вениаминович.

– Хотя, конечно, местечко для встречи оставляет желать лучшего. Но ничего, родной, через недельку я прием устраиваю. Как люди посидим, выпьем, пообщаемся. Ну а как там Ибица? Как отдохнул?

– Благодарю вас, Алексей Вениаминович, превосходно. Три недели провел, будто в раю.

– Не благодари, ты заслужил. В отличие от некоторых... – Шакалов с негодованием покосился на толстяка. – Мало того что дел по горло, так еще и воспитанием приходится заниматься, да, Давидушка?

– Да, но в его случае это уже бесполезно. Горбатого только могила исправит.

– Могила, говоришь? Может и так...

Поймав на себе очередной презрительный взгляд Шакалова, толстяк нервно задергался. Его пухлые щеки моментально покраснели, а маленькие глазки, виновато поглядывающие из-под шапки, лихорадочно забегали. Он машинально достал сигарету, прикурил и удалился на улицу.

– М-да, как подумаю, что у нас таких большинство, так и дурно становится.

– И мне тоже. Но где? Где найти нормальных? Эх, Давидушка, порой мне кажется, что эволюция движется в обратном направлении.

– Может, плохо ищем?

– Может быть, может быть, – злобно посмотрев на меня, сквозь зубы процедил он.

– А что это Танка не видно? Он вообще с нами?

– Разумеется. По нужде отошел и куда-то запропастился. Та-а-анк! Танк!

– Лечу, Вениаминович! Без меня не начинайте!

Отвлечшись на пускающего дым толстяка, Танк стукнулся лбом о металлическую раму. Заорав матом, он со всего размаху залепил тому подзатыльник. Толстяк и пикнуть не успел, как шапка улетела в одну сторону, сигарета в другую, а пухлая физиономия погрузилась в сугроб.

– Ха-ха-ха! Потише, Танк! Сарай и так на ладан дышит, завалишь ненароком!

– Браток, ты хоть живой там?! – улыбнулся Давид.

Не переставая потирать ушибленное место, Танк пригнулся и прошел внутрь гаража. Пожав Давиду руку и обняв, он воскликнул:

– Ну что, приступим?! А то как-то не поджентельменски это – заставлять ждать хорошего человека!

За последние несколько минут гараж преобразовался из холодильной камеры в морозильную. У меня зуб на зуб не попадал. Каждый участок моего тела, который по тем или иным физиологическим особенностям мог трястись, – трясся. Но, судя по лицам окружающих, я понял, что сейчас меня «согреют».

Я приготовился, напрягшись еще сильнее. И не зря!

Первым стартовал Шакалов. С трудом подняв ногу до нужной высоты, он нанес прямой удар мне в грудь. Я опрокинулся назад. Не хотелось бы хвастаться, но для моих грудных мышц, легко справляющихся со стосорокакилограммовой штангой в жиме лежа, такой пинок был не больше укуса комара. А вот и без того измученным рукам досталось несла-

бо. Кости чудом не треснули, но создаваемое на них давление спинкой стула и моим же весом, доходившим до центра, заставило меня взвыть. Не медля, Давид приложился лакированной туфлей в мое бедро. Я перевернулся на бок и притих.

– Нравится тебе, молокосос?! А?! Нравится?! А то смотри, учить он меня вздумал! Герой выискался! Да я таких героев в свое время пачками на кол насаживал! – бегая вокруг и несильно ударяя меня ногой в живот, грудь и бедра, выкрикивал Шакалов.

Танк был следующим. И теперь уже меня не спасали ни годы тренировок в тренажерном зале, ни четко прочерченные кубики пресса, ни даже напряжение мышц на грани возможного. Как показал медицинский осмотр позже: одно ребро треснуло и три зашиблено. Еще бы, пять мощнейших ударов ногами в корпус. Он хотел добавить еще парочку контрольных, но, видя, как я, кашляя, задыхаюсь, остановился.

Подождав, пока я прокашляюсь и нормализую дыхание, Танк и Давид вернули меня в вертикальное положение.

– Что, правдолюбец, хватит с тебя? Осознал свои преступления? – приподняв мою голову за подбородок, спросил Шакалов.

Я посмотрел ему в глаза и устало кивнул.

– Вот и ладненько. Теперь можно и о твоём будущем поговорить, сынок. О твоём красивом и обеспеченном будущем. Если ты, конечно, захочешь его таковым сделать, приняв мое

предложение. Если же откажешься, то отпустим на все четыре стороны. Но тогда ты так и останешься нищим, убогим лошком.

– О чем это вы? – прокряхтел я.

– Ты парень с мозгами, да еще и с кулаками. Мне такие позарез нужны.

– Работу предлагаете?

– Работу? Нет. Я предлагаю тебе стать членом очень могущественной семьи, в которой принято горой стоять друг за друга.

– Не думал, что у вас все так устроено. По-братски, по-семейному...

– Что, заинтересовался?

– Есть немного.

– Тогда сейчас заинтересуешься еще больше. – Шакалов ухмыльнулся и обменялся взглядом с Танком. – Если примешь мое предложение, то со временем будешь иметь все, что пожелаешь. Кучу денег, шикарные квартиры, навороченные тачки, девочек на любой вкус. Своих ребяток я не обижаю. Правда, Танк?

– Правда, Вениаминович.

– Теперь понимаешь, какое будущее я тебе предлагаю?

– Понимаю, – вместе с кашлем выдавил я.

– Только оставь свои дурацкие принципы тем самым рабам, которых ты так упорно защищал. Пойми, им наплевать на тебя. И при первой же возможности они продадут твою

шкуру за копейки. Поэтому и ты на них наплюй. Слышишь, наплюй.

– Думаю, смогу.

– Молодец!

– Предложение, конечно, заманчивое, но...

– Какие могут быть «но»? Только «да»!

– Но если что-то пойдет не так, вы опять меня в это чудное местечко на экскурсию привезете?

– Вот что я тебе скажу, сынок. Можешь считать это предупреждением и напутствием одновременно. Для меня в моих людях главное – верность. Будешь преданным мне, и я за тебя любого в порошок сотру, а предашь – сдохнешь в муках. Вот и все условия. По-моему, вполне справедливые.

– Я понял. Я с вами.

– Ай, какой молодец, порадовал старика! Давид, развяжи его побыстрее, а то паренек уже измучился весь.

С довольным лицом тот за считанные минуты выполнил просьбу. Я размял кисти и попытался привстать, но, схватившись за ребра, снова рухнул на стул и прокашлялся.

– Ничего-ничего, мои лекари тебя быстро на ноги поставят. А сейчас ты должен доказать свою верность, – положив ладонь на мое плечо, заявил Шакалов.

– В смысле?

– Танк, а где это Хомяк бродит? Разве он не должен быть рядом с нами, а? Что за неуважение?! Будь добр, найди этого лоботряса и приведи сюда!

Танк искал недолго. С улицы раздался хлопок, затем стоны толстяка, а после и выразительный бас Танка. Его полуминутная воспитательная речь в основном состояла из слов ненормативной лексики и хорошо передавала личную неприязнь как к самому Хомяку, так и к людям, посмевающим произвести его на свет. Как нагадившего котенка, Танк за шиворот втянул Хомяка в гараж.

Шакалов разразился хохотом и некоторое время не мог успокоиться. Когда же наконец успокоился, он оставил на лице ехидную улыбку и с проскакивающими смешками воскликнул:

– Ух ты, какие люди! Его светлость грызун собственной персоной! Ну что, теперь с тобой разберемся?!

– Алексей Вениаминович, умоляю вас, поверьте. Я его почти не трогал, только... – испуганно поглядывая то на меня, то на шефа, промямлил Хомяк.

– Ты что несешь, дурень?!

– Я, я, я...

– Да ты, ты! Забыл уже, из какой помойной ямы я тебя вытащил?! Мы тебя обогрели, откормили, в семью приняли, в люди вывели, а ты чем отплатил, иуда?!

– Да я... да я за вас любому пасть порву! Я же всегда вам верой и правдой служил! Клевета это все, Алексей Вениаминович, клевета! Что бы там ни было! Клевета!

– Клевета, говоришь?! Да тебя же твои бабы и сдали, мерзавец! Любишь с ними в баньке под коньячок попариться,

да? Так вопросов нет, я даже приветствую. Сам, знаешь ли, любитель. Но объясни мне, олух, зачем трепаться им обо всех наших делах?!

Толстяк затрясся, упал на колени и залился слезами.

– Пощадите, умоляю вас! Не со зла я! Правда, не со зла! Ведь вы же мне как отец родной! Не убивайте!..

Шакалов подмигнул Танку, и тот вынул из кобуры подмышкой пистолет. Сняв с предохранителя, передернул затвор и протянул мне:

– Прикончи крысу!

Я слегка обомлел, но пистолет взял.

– В первый раз? – спросил Танк.

– Да.

– Не бойся, сынок. Это только кажется, что тяжело, а на деле проще простого. Главное – выбрось из головы всю ту морально-слезливую чушь, которую тебе с самого детства вдалбливали всякие слабаки. Ты больше не из их числа, ты... – Шакалов подозрительно прищурился. – А вот сейчас мы и узнаем, кто ты – волк или овца. Но учти, что овцы мне ни к чему.

– Я понимаю.

– Пристрелишь сучоныша, и ты с нами. Навсегда.

С трудом встав и взявшись за рукоять пистолета обеими руками, я взглянул на Давида. Тот одобряюще моргнул и чуть кивнул. По телу пробежала нервическая дрожь, на мгновение заглушившая ту, что от холода. Но мой выбор был

невелик. На одной чаше весов моя жизнь, человека просто так мухи не обидевшего, а на другой – паразитарное существование отморозка, неведомо скольких человеческих душ загубившего. А скольких еще не успевшего?

К тому же он в любом случае сегодня умрет, независимо от моего выбора, так чего я тогда парюсь?

Я доковылял до Хомяка и уткнул ствол ему в лоб.

– А-а-а! – Немного отпрянув, он приподнял руки. – Нет, нет, прошу, не надо, парень, Танк, Давид, Алексей Вениаминович! Родненький, смилуйтесь, пожалуйста! Я никогда больше вас не подведу! Никогда!..

И почему-то именно сейчас, когда я снова приставил ствол к голове Хомяка, напомнил о себе внутренний голос. «Что, довыпендривался?! Ребрышки-то они тебе не хило пересчитали! А я ведь говорил! Предупреждал! Но ты же, как баран упертый, – все по-своему делаешь, по-тупому, по-бараньи, а потом вдруг удивляешься: ой, как так получилось?! Надеюсь, хоть теперь прислушаешься! Мочить их надо! Мочить, как собак бешеных! И всех до единого! Всех! Всех! Всех!» – громогласно тараторил он, пробуждая здравый смысл: «Ты что советуешь, поганец?! А если в магазине всего один патрон?! Чем он их тогда, по-твоему, мочить будет, а, грамотей?! Или ему на них врукопашную ринуться, с зашибленными-то ребрами?! Так что заткни-ка свой рот и вали туда, куда тебя не раз уже посылали! И чем быстрее, тем лучше!»

Хомяк не стал отводить голову и даже заткнулся. Потирая кисти, он жалобно смотрел на Шакалова, но тот был непреклонен.

– Твой ход, сынок.

Я зажмурил глаза и нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Пистолет издал лишь глухой щелчок, вызвавший у Хомяка содрогание тела и непроизвольное мочеиспускание.

– Молодец! Красавчик! Я верил в тебя! Верил! Далеко пойдешь! Ой как далеко! – возликовал Шакалов.

Схватившись за голову и убеждаясь, что мозги, кости черепа и шапка, именуемая в народе как «пидорка», на месте, Хомяк вновь не сдержал слез, только уже радостных. А я, еще не до конца осознавая, что именно произошло, но отдавая себе отчет, что все закончилось, вздохнул с облегчением.

– Можешь вернуть ствол законному владельцу, сегодня он тебе уже больше не понадобится.

– Добро пожаловать в семью, брат, – доброжелательно усмехнувшись, Танк взял пистолет и запихнул в кобуру.

Давид снял с себя пальто и накинул на меня:

– Ты сделал правильный выбор.

– Время покажет, – прошептал я.

– А ты, Хомяк, запомни: больше ни уроков, ни предупреждений не будет! Еще одна подобная выходка – и билет на тот свет тебе обеспечен! Ты все уяснил, дармоед?! – Шакалов замахнулся на него, но вместо удара плюнул ему под ноги.

Слова шефа в хомячьи уши залетели не сразу, но когда залетели, он подполз к нему на коленях, изобразил кающуюся мину и сделал несколько благодарных поклонов:

– Да-да, я все уяснил, Алексей Вениаминович! Все уяснил! Спасибо вам! Спасибо! За урок, за прощение, за доброту вашу! Клянусь, больше такого не повторится!

– Ладно, поверю на слово! А теперь валим, ребятки, из этой вонючей дыры!

Танк и Шакалов отчалили первыми. Следом я с Давидом в старенькой «девятке». Ее, как выяснилось, берут только на подобные дела, дабы не привлекать лишнего внимания. Хомяку же пришлось добираться своим ходом: его наказание еще не закончилось...

– А квартирка ничего такая, пойдет. Не пентхаус, конечно, но и не лачуга окраинная, – осторожно опускаясь в кресло, пробормотал я.

– Мне тоже нравится. – Сев в кресло, расположенное параллельно тому, которое занял я, Давид вынул из кармана брюк четки. Они состояли из крохотных человекоподобных черепков, разделяющихся на три цветовых участка. Красный, белый и черный. Принявшись перебирать пальцами белые черепки, он спросил: – Уютная, правда?

– Для сорокапятилетнего холостяка самое то.

– Неужели так старо выгляжу? Мне вообще-то и сорока еще нет. Тридцать восемь недавно стукнуло.

– Да я не всерьез. Тебе и тридцати пяти не дашь.

– Как самочувствие?

– Так себе. Вчера мне так и не удалось поблагодарить тебя, что приютил и с врачами подсуетился...

– Перестань. Мы теперь в одном котле варимся, поэтому должны помогать друг другу. Ты хоть выспался?

– Да какой там. Проворочался всю ночь. Ни вздохнуть, ни выдохнуть.

– Ничего, скоро оклемаешься. Главное, что жив остался.

– У меня тут вопросов поднакопилось.

– Так задавай. На все ответить пока не смогу, но на некоторые разрешение имеется. За квартиру можешь не переживать – на жучки и всякую подобную живность проверена.

– Какая основная цель твоей хваленой организации? Забрать у богатых и раздать бедным?

– Во-первых, она уже такая же моя, как и твоя. Во-вторых, где-то через недельку ты увидишься с нашим руководителем, и вот он тебе все и растолкует.

– Мороз включаешь? Ладно. Тогда какая моя роль во всем этом? Шакалова охранять? Следить за ним? Но к чему столько лишних трудов, если можно просто уничтожить гада? К примеру, какой-нибудь несчастный случай или...

Бросив четки на стеклянный столик, стоявший между кресел, Давид вытаращился на меня как на слабоумного.

– И что потом? Все вокруг наладится?

– Нет, но на одну сволочь в мире станет меньше.

– Ну и толку-то? Шакалов всего лишь марионетка, и на его место поставят другую, благо сволочей в мире предостаточно. А вот чтобы потом подобраться к обновленной марионетке... на это уйдут годы.

– Будущий мэр Москвы – марионетка?

– Естественно, как и нынешний. Да что там мэры, тут президенты стран – одни сплошные марионетки.

– Президенты? И наш, что ли?

– Давай пока не будем об этом. Чтобы информация усвоилась, нужно быть к ней готовым, а ты еще даже и азов не знаешь.

– Да не вопрос. Все равно я не верю, что и президенты...

– Знаю. По Шакалову все ясно?

– Ага. Значит, пусть пока шалит да разбойничает?

– Пусть. Помни, что нас интересуют фигуры куда более влиятельные, чем какие-то там чиновники. И пока они ставят на Шакалова, мы будем оберегать его никчемную жизнь, как свою.

– А чем выше он поднимется, тем ближе будет к своим хозяевам?

– О, понемногу начинаешь вникать.

– Было бы во что. Как хоть называется эта ваша, то есть наша организация? Сколько человек в ней состоит?

– Точной цифры не знаю, а если бы и знал, то не сказал бы. Будь уверен, нас немало.

– Ясно. А название тоже не знаешь? Или не скажешь?

– Почему же, знаю. И скажу. «Молот».

Ноющие ребра, сдавленные бинтовой повязкой, преобразовали вырывающийся смех в приглушенный кашель.

– Чего-чего?! «Молот»?!

– «Молот».

– Ну и примитив. У морской свинки моего бывшего тестя и то погоняло лучше.

– Зря ты так! Никакое оно не примитивное и, по мне, так очень даже удачное! Оно отлично передает сущность организации! Оно звучит! И вообще я горжусь, что состою в «Молоте»!

– Э, тише, тише, друг. Вот ты разошелся-то.

– Просто относись с уважением к нашей организации, ее названию и к людям, которые в ней состоят. «Молот» – это...

– Больше не произноси это слово в моем присутствии, ладно? Меня от него коробит. Неужели нельзя было что-то посolidнее придумать? «Незримая стража», например, «Безмолвные каратели», «Санитары человечества». Или на крайний случай могли бы что-нибудь из классики позаимствовать типа «Воины света», «Кулак справедливости». В общем, думай, что хочешь, брат, но с названием вы явно лажанулись. – Договорив, я снова прокашлялся.

– Считаешь, это смешно?

– Вижу, что нет.

Помимо пары журналов, сенсорного пульта от домашнего кинотеатра и четок на столике располагался хромированный

поднос с початой бутылкой скотча и двумя гранеными стаканами. Еще с первых секунд диалога я старался сдерживать себя, косясь на светло-золотистую жидкость. В свое время скотч стал одной из моих слабостей. Не хотелось бы лишний раз поносить тестя, но это он меня пристрастил.

Терпение лопнуло! Довольствоваться лишь вожденными взглядами и обильным слюноотделением я больше не собирался. Наполнив стакан на треть, я с наслаждением понюхал скотч и сделал глоток.

– Кстати, ты заикнулся об атамане нашенском... – Я сделал еще глоток. – Кто он? Поди, человек не бедный?

– В свое время все узнаешь, – раздраженно ответил Давид. – Я бы не пил на твоём месте. Уколы и таблетки с алко-голем несовместимы. Только хуже будет.

– Но ты не на моем месте, правильно? А я парень крепкий, так что...

– И упрямый, как известно кто!

– Ладно, ладно, не злись, я совсем чуть-чуть. Просто на вкус попробовал. И стоит признать, что виски отменный! – Опорожнив стакан, я вернул его на законное место.

– Еще бы! Настоящий шотландский.

– Я должен кое-что тебе рассказать о своем прошлом, которое напрямую связано с Шакаловым. Чтобы ты понимал, каково это мне – находиться рядом с этой падалью, да еще и служить ему. Зад его знатный оберегать.

Давид налил себе виски, залпом опрокинул и, плеснув

еще, произнес:

– Я и так все понимаю, Никита. Я в курсе того, что случилось с поселком Потрошино. Мне жаль, правда, но ради тех, кого мы еще можем спасти, ты должен переступить через свою гордость, боль и ненависть.

– Откуда знаешь?! – нахмурился я.

– Неужели ты веришь, что попал бы в организацию, если бы мы о тебе ничего не знали?

– Следили за мной?!

– Как только Шакалов наладил отношения с Петром Стаховым, мы сразу же взяли в разработку всех его знакомых и родственников, в том числе и тебя. Мы уже около года за тобой наблюдаем.

– Года?!

Давид вздохнул и развел руками.

– Походы к психотерапевту и вчерашняя стычка с Шакаловым оказались решающими в последующей вербовке.

– А то, как мы с врачихой ночами забавлялись, вы тоже слушали, да?! Извращенцы!

Давид опомниться не успел, как моя правая рука пересекла столик, едва не опрокинув бутылку, и вцепилась ему в горло. Он попытался разжать мои пальцы, но не смог, оставляя на них лишь несколько царапин. Вены на его шее вздулись, а лицо приобрело нездоровый оттенок. Поняв, что лишние дерганья только усугубят положение, он опустил руки и, поднатужившись, прохрипел:

– Я же те-бя спа-ас... От-пу-сти...

– Извини, – разжав кисть, немного растерянно протянул я.

Пока Давид приходил в себя, меня навестил внутренний голос: «Ну что, душегуб, малость поторопился, да? Опозорился? Так тебе и надо! Небось теперь подсказок от меня ждешь, советов дельных, но даже не надейся, помогать не стану! Я тебе последний раз надолго припомню, отщепенец! Спрашиваешь, зачем я тогда приперся?! Ха-ха-ха! Чтобы над тобой, хозяин, поглумиться! Тормоз! Тормоз! Тормоз!»

– Ну и хватка у тебя! Больной, хромой, а дури на десяти-рых хватит! Я чуть концы не отдал! – Поглаживая шею, Давид потянулся к бутылке, но вспомнив, что у него уже нали-то, взялся за стакан.

– Ладно, не ной, я же извинился.

– Извинился он, видите ли!

– Не хотел я, перемкнуло что-то. Рассудок помутнел. Мне вон вчера поболее досталось, и ничего, живой.

Давид в несколько глотков опустошил стакан, кашлянул и уже менее сиплым голосом заявил:

– Держи в узде свой рассудок! Если ты так и на Шакалова прыгать будешь, то мы далеко не уедем!

– Понял, учту. Про деревню давно знаете?

– Да, но в общих чертах. За пару гипнозов ты больше выяснил, чем мы за целые годы. Кстати, наш руководитель именно об этом и хочет с тобой пообщаться в первую оче-редь. Он не верил своим ушам, когда слушал запись.

– То есть ваше... ах да, наше... сборище, провозгласившее себя «кувалдой» и находящееся от Шакалова на расстоянии вытянутой руки, со всеми своими техническими причиндалами, лучшими в стране профессионалами и т. д. и т. п., не смогло докопаться до истины?

– Шакалов не особо об этом распространялся, поэтому имеем то, что имеем. Да и дело не только в нем или его действиях.

– А в чем же?

– В исчезновении целых поселков и их жителей полностранных, даже мистических моментов. Но о них ты тоже узнаешь при встрече с...

– Погоди-ка, ты сказал – поселков? А что, были и другие?

Отобразив на лице сочувствие, Давид пригладил волосы, сомкнул веки, вздохнул и медленно кивнул.

# Глава 7

## Своеобразная поездка

С того дня, как я стал засланным казачком в свите Шакалова, прошло три месяца. На выборах он, само собой, победил, причем с ощутимым перевесом. Только мне от этого легче не стало. Мало того что под моей охраной находился человек, которого я ненавидел больше всех на этой планете, так еще и доверенная мне работа оказалась весьма однообразной, даже нудной.

В обязанности входило сопровождать новоиспеченного мэра на всех его публичных выступлениях, светских раутах и в поездках по Московской области и за ее пределами. Поездки, не относящиеся к каким-либо мэрским делам, делились на две категории. «К лапушкам» – так Шакалов называл своих многочисленных любовниц, среди которых имелись и несовершеннолетние, и «к уважаемым людям» – к его подельникам, отмывающим деньги и занимающимся оборотом любой незаконной дряни, способной приносить прибыль.

В доме Стаховых я больше не появлялся, хотя предложения от несостоявшегося тестя и невесты поступали неоднократно. Анжела так и вовсе делала это с какой-то маниакальной навязчивостью, названивая мне десятки раз на день. Она признавалась в любви, клялась в верности, просила дать

шанс начать все сначала и даже уверяла, что отречется от папаши и откажется от наследства, только мне это было неинтересно.

На мои слова: «Анжела, все кончено, пока» – она начинала хныкать и чуть ли не кричать в трубку: «Подожди, послушай, послушай!..» Обрывая связь и добавляя ее телефонный номер в черный список, я давал понять, что слушать ее мне в тягость. Но Анжела упорно отказывалась понимать. Она заимствовала телефоны у подружек, и история повторялась. После пятнадцатого такого повтора я всерьез задумался: а не поменять ли мне номер? Однако задумка так и осталась задумкой – звонки прекратились.

Мне, конечно, было жаль Анжелу, но мое сердчишко принадлежало другой. Той, в чью квартиру несколько недель назад я решился перевезти все свои пожитки. Радость Натали тогда не знала границ. Да что там – тогда, она до сих пор меня чуть ли не на руках носит. Пытается во всем угодить, сюсюкается, нянчится, как с маленьким. Недавно даже книгу кулинарную купила, в которой с полтысячи рецептов, – теперь что ни ужин, то праздник для моего желудка.

Дарья и Кирилл не могли на нас нарадоваться. Предлагали даже свадьбу сыграть совместно с ними, а это уже через пять месяцев. Якобы так дешевле выйдет, веселее и нам с Натали побыстрее. Только с чего они взяли, что мы куда-то торопимся? С того, что нам вдруг захотелось ютиться ночами в одной постели? Но разве это весомый повод, чтобы очертя

голову бежать в ЗАГС? Наверное, для кого-то – да, но точно не для меня, не для Натали и не для многих других таких же пар, у которых на первом месте стоит создание гармоничных отношений, а не штамп в паспорте. Поэтому я вежливо попросил Дашку не приставать к нам с предложениями подобного рода, а ее жениху, видите ли, не пожелавшему принять отказ, в резкой форме посоветовал не лезть не в свое дело. И они оба больше не лезли.

В целом, если бы не ситуация с Шакаловым, не позволяющая нормально расслабиться, меня вполне можно было бы назвать счастливым человеком.

Встреча с главарем «Молота» постоянно переносилась, но по сей день не состоялась. Чем дольше Давид кормил меня завтраками, тем злее и раздражительнее я становился. А моя вера в тайное братство, борющееся за права и свободы простых граждан, с каждым днем все больше угасала. Ведь ничего полезного я не делал, скорее наоборот, помогал шакаловской группировке обтяпывать свои грязные делишки...

По разнарядке Шакалова мне пришлось прибыть в Ярославль. Оставалось лишь догадываться, какие именно дела крутятся между ним и местными авторитетами, но количество купюр с изображением Франклина, лично мной полученных и скрупулезно пересчитанных, впечатляло.

Поместив деньги в кейс, я пристегнул его наручниками к своему запястью, пожал руку главному из трех верзил и по-

кинул комнату под номером одиннадцать. Как только дверь за моей спиной захлопнулась, из противоположной комнаты вышла стройная немолодая блондинка. Она взяла меня под локоть, неприятно улыбнулась и сопровождала в комнату под номером девять, где мне вернули пистолет, мобильник и пожелали счастливого пути.

На улице уже темнело. Выйдя из мрачного пятиэтажного здания, состоящего из офисов каких-то загадочных фирм и охраняемого не хуже Центробанка, я спустился по лестнице и, прибавив ходу, направился к своему новенькому «ниссану», припаркованному на стоянке возле продовольственного магазина. Якобы за верность и отличную службу мне не только поручили дела поответственнее, но и пожаловали с барского плеча столичного мэра машинку из салона и неведомо откуда пистолетик с кобурой.

Держа руку под мышкой на рукояти пистолета и пристально оглядываясь по сторонам, я перешел через дорогу. До стоянки оставалось не больше пятидесяти метров, но внезапно появившийся сзади и со свистом затормозивший сбоку от меня черный «фольксваген» не дал пройти и половины из них. Я отпрыгнул в соседнюю клумбу и, встав на колени, вынул пистолет.

Задняя боковая дверь открылась, и из машины донесся хриплый мужской голос:

– Вы Никита Богданцев?

– Он самый! А вы кто?! И чего вам от меня надо?!

– Пожалуйста, опустите пистолет. Мы с добрыми намерениями.

– Ты смотри, благодетель выискался! Сделай только шаг – и дыра в башке тебе обеспечена! В последний раз спрашиваю: кто вы такие и зачем я вам сдался?!

– Мы не враги. Мы лишь должны отвести вас на встречу, которую вы уже давно ждете. Мы из «Молота».

– Из «Молота»?.. – задумчиво протянул я. – Как я могу быть в этом уверен? Особенно здесь, сейчас, да еще и с кое-чем на руках?

– У нас есть общий друг – Давид. Надеюсь, этого достаточно?

– Нет, недостаточно.

– Прошу вас, садитесь в машину. Мы и так тут уже слишком долго простаиваем.

– Надо было по-человечески подойти, а не...

– Некогда выяснять, кому и чего надо было! Вы подвергаете себя и нас опасности! Прошу, залезайте или ждите тогда другого раза!

Другого раза? И сколько мне его ждать придется? Еще три месяца? Да никакие шакаловские деньги того не стоят! А если вместе с деньгами они и жизнь мою отнимут? Нет, вряд ли. Хотели бы – уже бы отняли.

Прогнав сомнения, я спрятал пистолет и сел в машину.

– Черт с вами, я согласен!

– Поехали! – скомандовал хрипун.

Наконец-то я смог его разглядеть. Это был статный мужчина преклонных лет, носивший сливающиеся воедино седые усы с бородкой. Манера ровно держать спину, посеченное шрамами лицо и холодный взгляд натолкнули меня на мысль о его принадлежности к офицерским чинам каких-нибудь элитных военных подразделений. В настоящем времени, может, уже и нет, но в прошлом – определленно. На таких у меня глаз наметанный. Более того, у меня возникло ощущение, что я уже где-то видел этого гражданина.

– Прибавь газу, а то тянемся как черепахи! – вновь крикнул он.

– Виноват, босс, сейчас исправлюсь.

– Верю. Ты же ас своего дела. – Хрипун покосился на меня. – Иных у себя не держим.

За рулем сидел худосочный паренек в натянутой до ушей кепке, из-под краев которой вились длинные темные локоны. Хрипун не зря пел ему дифирамбы, – водитель знал свое дело. Он в мгновение ока разогнал машину, лихо обгоняя плетущиеся легковушки, грузовики и автобусы.

На переднем пассажирском сиденье располагалась не в меру упитанная коротко подстриженная дама. Хрипун провел пальцами по ее плечу, и сия особа обернулась. Чересчур вытянутая физиономия в сочетании с торчащими ежиком красными волосами, длинным острым носом и оттопыренными ушами вынудила меня содрогнуться. Мне вдруг приключилось, что из ее широкого рта, из этой отвратной «пасти»,

вырвется еще одна, более омерзительная, зубастая и кровожадная. Но «бестия» высокомерно оглядела мою оторопевшую персону и с гонором прогнусавила:

– Чего вылупился, хорек? У меня что, на лбу вытатуировано – «Исчадие ада? Монстр?»

– Да нет...

– Какой-то ты слегка заторможенный.

– Инга, прекрати, – сквозь зубы процедил хрипун.

– Дай мне свой мобильник. – Ее тон стал мягче.

– Зачем? – нахмутив брови, настороженно спросил я.

– Ты и правда настолько туп или притворяешься?

В ту же секунду, как я прикоснулся к телефону, он завибрировал и заговорил голосом Натали: «Милый, возьми трубочку, это твой котенок звонит.... Ну, давай, возьми, возьми... Я же знаю, ты не будешь игнорировать свою маленькую девочку... ведь она тебя так любит, любит, любит...»

Опять руки не дошли, да, Богданцев? Три дня! Уже целых три дня, как ты собираешься удалить эту запись из памяти телефона, но из-за лени своей так и не собрался! Причем на весь процесс у тебя ушло бы не более пяти секунд. Секунд, а не часов или суток. Секунд! Поленился? Времени не нашел? Так терпи теперь порицание, косые взгляды и насмешки от незнакомых тебе людей!

По простоте душевной Натали как-то решила сделать мне приятное. Утром, пока я спал, она наговорила на телефонный диктофон фразы, казавшиеся ей остроумными и вместе

с тем хорошо передающими истинные чувства, и поставила запись на свой вызов. Сюрприз удался. О нем я узнал уже ближе к вечеру, когда в присутствии Шакалова, Танка, Давида и еще парочки головорезов мой телефон вдруг ее воспроизвел. Вызов я принял, но слова Натали пропустил мимо ушей. Я тогда мог думать только об одном: как бы было кстати провалиться сквозь землю. Того же мне захотелось и сейчас.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.